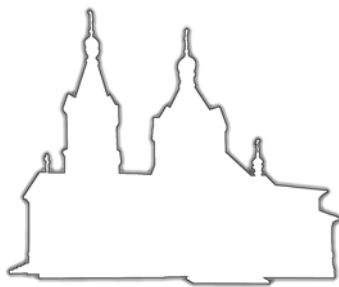

СЛУЖБА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ
ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Я.А. Яковлев

*СОБОР СВЯТЫХ
ПЕТРА И ПАВЛА
НА ПОЛЯРНОМ КРУТЕ*

Издательство Томского университета
Салехард – Томск
2018

ББК 86.372
УДК 281.2
Я47

Яковлев Я.А. Собор святых Петра и Павла на Полярном круге. – Я47 Салехард; – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. – 110 с.

ISBN 978-5-7511-2556-1

Научно-популярная брошюра, опубликованная по заказу Службы государственной охраны объектов культурного наследия ЯНАО, знакомит читателей с историей салехардского храма во имя первоверховных апостолов Петра и Павла, построенного в XIX в., разрушенного и ограбленного в XX в. и возрождённого в XXI в. Эта история представлена на широком историческом фоне жизни обдорской земли и предваряется очерком всего церковного строения на этой территории. Научная достоверность содержания, привлечение новых архивных и изобразительных источников, популярная форма изложения делают брошюру интересной как для историков (исследователей, преподавателей, студентов), так и для всех, интересующихся гуманитарным сибиреведением.

ББК 86.372
УДК 281.2

Куратор издательского проекта: **Е.В. Дубкова**

Административное сопровождение проекта: ИП **А.В. Соколов**

Техническое редактирование иллюстраций: **Т.А. Панов**

Дизайн обложки: **К.Г. Карачаров**

ISBN 978-5-7511-2556-1

© Яковлев Я.А., 2018

Зачем людям храм? Почему человек тратит время, силы, финансовые ресурсы на его возведение? Наверное, каждый из нас ответил бы на эти вопросы по-своему. Но можно предложить и обобщающие ответы.

Для верующего человека храм – это христиане, соединённые со Христом в единый богочеловеческий организм. Современные богословы рассуждают так: *«Если мы любим кого-то, то мы стараемся быть рядом с ним. Если мы скажем, к примеру, своему другу: “Ты всегда со мной, ты у меня в сердце, поэтому я не пришёл поздравить тебя с днём рождения”, – то вряд ли мы услышим в ответ слова одобрения и понимания. Также и с Богом. Если Бог у нас в сердце, если мы любим Его или хотя бы стремимся к этой любви, то как же мы не почтим День Рождения или Воскресения Христа?»* Поэтому, согласно христианскому вероучению, пренебрежение храмовым богослужением является показателем духовного нездоровья человека.

Атеисту, как ни странно, церковь нужна тоже. С одной стороны, он отрицает наличие у человека такой субстанции, как душа, считая её вымыслом религиозного сознания. С другой – признаёт науку психологию, закрывая глаза на происхождение названия этой науки именно от отрицаемой им души (по-гречески *psyche* – душа). Как верующие, когда начинаются физические немощи и хвори, идут к врачу, так и атеистам, если устаёт душа (или психика – как хотите), надобно обращаться в церковь. Стандартизация современного городского пространства, постоянные и активные стрессы нынешней изнурительной жизни, принудительное погружение человека в океан ненужной информации заставляют его искать прибежище от угнетающей депрессивной действительности. Кто-то его находит в иллюзорном мире ирреальности, кто-то – в хобби, кто-то – в

искусстве... Церковная постройка – одно из таких прибежищ. Фраза «Храм – это Небо на земле» как нельзя лучше подходит для таких сеансов психотерапии. Русское храмовое зодчество развивалось тысячу лет, в нём нет ничего случайного, не апробированного – от места обустройства в природном и обжитом ландшафте до структуры иконостаса. Видя такие заметные на фоне современной городской застройки объёмы и устремлённые в небеса шпили, погружаясь в пространство храма, наполненное тишиной, покоем и богатейшей цветовой палитрой, человек поневоле стряхивает с себя пыль повседневной суеты и обращается мыслями к вечному, духовному, прекрасному – спасительному. Он переходит в другой мир и испытывает не меньшую духовную радость, чем верующий.

В Салехарде тоже есть такое прибежище – одноэтажное здание храма с тремя приделами по бокам. Оно расположено в исторической части города на пересечении улиц Свердлова и Ного. Это объект культурного наследия регионального значения памятник «Собор святых Петра и Павла (1894 г.)».

Мифическая Васильевская церковь – явь современного Салехарда

В процессе покорения Сибири российские новопришельцы в военной тактике не стали изобретать ничего нового, а использовали проверенный ещё древними римлянами приём – быстрый захват плацдарма, строительство на нём опорного пункта и размещение гарнизона. И – вперёд, повторение того же алгоритма... Такая тактика блицкрига была оправдана ещё и тем, что реки – единственные тогда коммуникации Сибири – были доступны для передвижения по ним менее половины года. Так и двигались – Обской городок, Тюменский, Тобольский, Берёзовский, Сургутский... Дошла очередь и до обских низовий – здесь тоже обосновались русские казаки. Правда, бесспорную дату этого важнейшего для ямальской истории события установить не удалось, историки называют три срока основания Обдорского острожка – 1592, 1593 и 1595 гг. (официальной считается последняя). Да и форма поселения – укреплённое или неукреплённое – до сих пор окончательно не выявлена.

Как бы там ни было, а русский северный форпост в Обдорске появился. И вот здесь возникает интрига – мы ничего о нём не знаем. Как образно выразился историк В.Я. Темплинг *«ранняя история полярного города покрыта туманом неизвестности»*. Этот туман окутал и церковь – она была или её не было?

Часть историков утверждает, что первый храм в Обдорске был поставлен в **1602 г.** Среди них такие корифеи сибирской церковной истории, как Н.А. Абрамов и И.С. Шемановский (иеромонах Иринарх). С лёгкой руки первого и пошла гулять по историческим сочинениям информация, будто церковь была сооружена *«иждивением утверждённого в княжеском достоинстве Борисом Годуновым новокрещённого обдорского князя Василия»* и потому посвящалась покровителю новоиспечённого самоедского князя – святому Василию, архиепископу Кессарии Каппадокийской (в Малой Азии), известно-

му в христианской истории под именем Василия Великого. В наши дни в подавляющем большинстве научных и научно-популярных публикаций на тему церковной истории Обдорска – от школьных сочинений и студенческих рефератов до монографий солидных исследователей – эти сведения о Васильевском храме повторяются почти слово в слово. Наиболее твёрдо на этой позиции стоят А.В. Ополовников и Е.А. Ополовникова, но об этом чуть позже.

Есть, однако же, и сомневающиеся. Кажется, первым отказался признать эту церковь ещё тобольский исследователь втор. пол XIX в. А.К. Недосеков. Из современных историков сомнение в существовании церкви нач. XVII в. в Обдорске высказала И.Л. Манькова, написавшая, что этот факт *«не имеет достоверных документальных подтверждений и выглядит сомнительным»*. Наиболее аргументированно эта позиция была представлена В.Я. Темплингом. Нам остаётся лишь тезисно повторить вслед за ним.

1. Церковь может действовать только там, где есть паства (верующие, прихожане), верно? Как же обстояло дело с этим в Обдорском поселении в XVII в.? А никак. Судя по всему, не проживало там круглогодично новопришлое православное население. По мнению большинства исследователей, «постоянную прописку» население в Обдорске получило лишь во втор. пол. XVIII – перв. пол. XIX в., а до того там эпизодически «вахтовал» служилый люд – казаки, целовальники, таможенные головы... Если насчёт первых пока ясности нет, то вторых в Обдорск стали присылать только при Михаиле Фёдоровиче (годы правления 1613–1645) – и то всего лишь на короткое заполярное лето: *«Жить им на тех заставах немногое время – всего три месяца: июнь, июль, август, а больше того жить там нечего...»*.

2. Если не было пришлых христиан, то, быть может, в храме крестился и причащался местный люд – ненцы, ханты, зыряне? Ответ тоже отрицательный. Все документы единодушно утверждают, что всё семнадцатое столетие коренные северяне ожесточённо отвергали любые попытки обратить их в чуждую им веру. Да что там говорить? Сам митрополит Филофей (Лещинский) – пионер северного миссионерства и столп сибирского православия, креститель обских угров и ненцев – дважды пытался склонить обдорских аборигенов к Христовой вере – в 1717 и 1726 гг. И оба раза безуспешно. После его

первого приезда был сделан такой неутешительный вывод: *«Обдоряне с необыкновенным упорством держались язычества, и никто из них не принял христианства»*. А второй раз архипастырю дали от ворот поворот и даже не позволили сойти на берег, угрожая убийством. Обратим внимание – это случилось через 124 года после «основания церкви во имя Василия Великого». Можно ли такое представить? Где результаты более чем вековой духовной работы святых отцов – «ловцов человеков»?

3. Ладно, предположим, что чрезвычайная языческая ортодоксальность местного населения теоретически всё же не исключает наличия храма. Однако храм – это не только стены и колокольня; прежде всего, это священнослужитель. А он-то как раз в XVII в. в Обдорске вряд ли мог появиться. В то столетие активно христианизируемая и быстро заселяемая православными новопришельцами восточная окраина России испытывала острейший дефицит священнических кадров. Их не хватало даже для более обжитых южных районов Сибири со значительным ресурсом православных, что уж говорить о поселении без постоянного контингента верующих на широте Полярного круга?

Итак, если не было ни паствы, ни священников, мог ли быть храм? Ответ очевиден.

4. И, наконец, самое главное – ни в одном архивном документе вплоть до 1740-х гг. сведений о церкви или священниках в Обдорске нет. Нет – и всё! Хотя документов с упоминанием Обдорской заставы в описаниях дел Сибирского приказа немало. Ни Н.А. Абрамов, ни И.С. Шемановский, ни другие сторонники этой точки зрения нигде не ссылаются на архивные документы. В одном месте Шемановский оговаривается, что эта информация *«основана на местном – уже забытом в наших весях – предании»*. Весьма ненадёжный источник! Абрамов же непоследователен в своих заключениях: так, в своей работе 1854 г. он указывает иную дату основания этой церкви – 1600 г.

«По сведениям историка Берёзовского края Н.А. Абрамова, первая церковь в Обдорске во имя св. Василия Великого была выстроена в **1602 г.** иждивением утверждённого в княжеском достоинстве царём Борисом Годуновым новокрещённого Обдорского князя Василия. Основанное на местном – уже забытом в наших весях – предании, это показание как таковое не может иметь особого значения также и по тем соображениям,

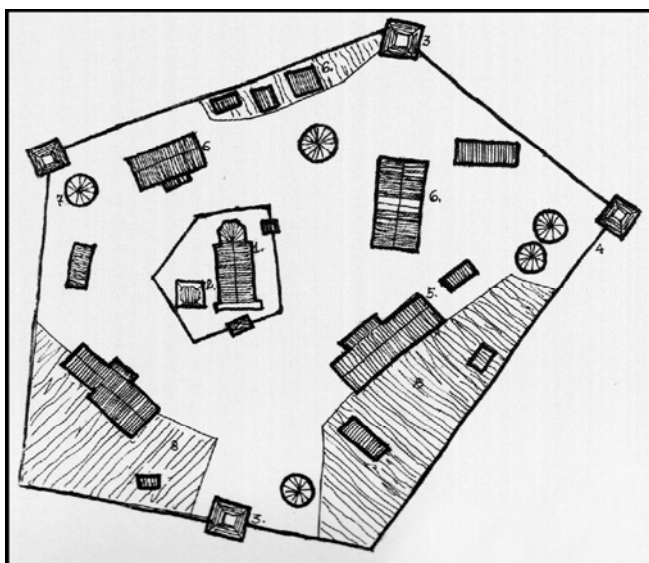
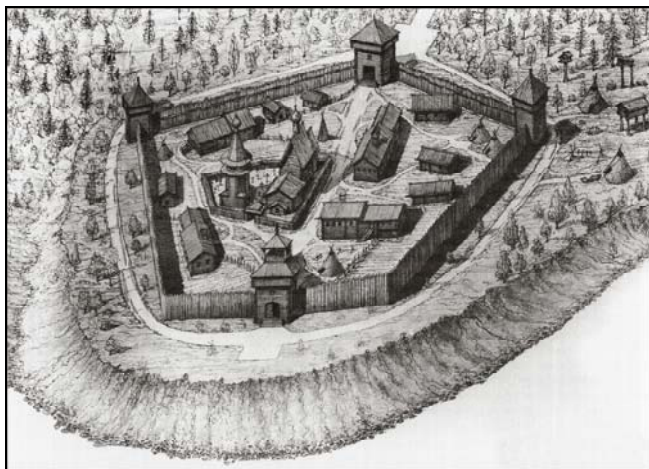

что сила процветавшего в Обдорске в нач. XVIII столетия язычества не может не подвергать сомнению истинность этого предания, когда фанатизм язычников при приезде митрополита Филофея к берегам Обдорского Полюя выразился не только в недопущении его на берег, но и в угрозах застрелить святителя и всех, бывших с ним. Поэтому, приобщив предание о существовании в Обдорске в начале XVII ст. церкви к общим весьма скудным историческим сведениям о нашем храме...».

Шемановский И.С. Храм Обдорской миссии // Шемановский И.С. Избранные труды: в 2 т. – М.: Советский спорт, 2011. – Т. 2. – С. 137.

Отсутствие документальных источников вынуждает сторонников этого мнения формулировать все свои выводы в форме предположений, с оговорками. Так, И.С. Шемановский пишет о мифических священниках этой мифической церкви: *«Духовенство для отправления... богослужения, вероятно, изредка наезжало из г. Берёзов»*; *«Нет только сведений: назначался ли в это время к ней отдельный священник, но наезды духовенства г. Берёзова для отправления богослужений в Обдорском крае, во всяком случае, допустимы...»*. *«Как долго существовала эта церковь, мы не знаем»*, – это тоже его признание.

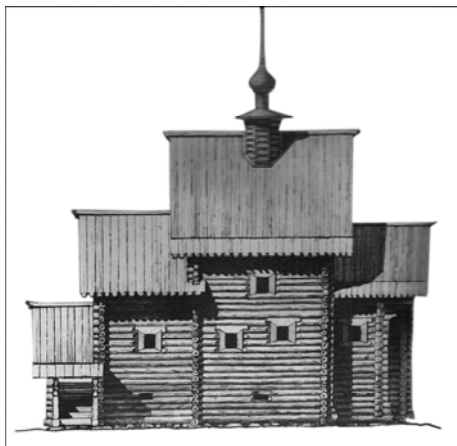
От скромных общих предположений историков прошлых веков современные исследователи А.В. Ополовников и Е.А. Ополовникова перешли к конкретным глубоким выводам – о ремонтах, перестройках, даже строительных материалах. При этом они прямо указывают на отсутствие документальной базы для своих умозаключений: *«Что же касается первой церкви в Обдорске, то сведениями об её существовании с момента возникновения до замены её новой постройкой, мы не располагаем. Несомненно, за этот почти полуторавековой период церковь подвергалась ремонтам, а возможно – частично перестраивалась»*. Если *«сведениями не располагаем»*, то почему *«несомненно»*? И на чём основан вывод об использовании лиственницы в качестве строительного материала: *«...Самой прочной древесиной из произрастающих в России пород деревьев, годных для строительства, обладает лиственница. Можно предположить, что первая обдорская церковь была срублена именно из неё, поскольку простояла значительно дольше второй»*.

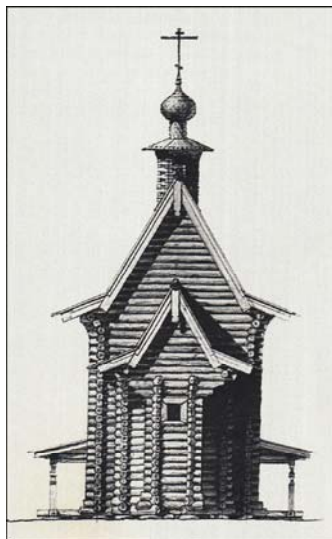
Реконструкция Обдорского городка. В центре – мифическая Васильевская церковь и прихрамовое кладбище. Макет и план. Авторы: А.В. Ополовников, Е.А. Ополовникова. Из кн.: Ополовников А.В., Ополовникова Е.А. Древний Обдорск и заполярные города-легенды. – М.: Ополло, 1998. – С. 118

А

Б

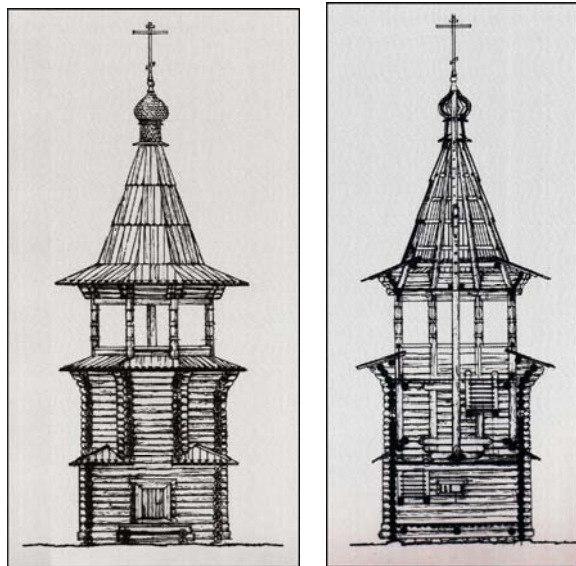
В

Мифическая Васильевская церковь. Проект. Западный (А), южный (Б) и восточный (В) фасады. Авторы: А.В. Ополовников, Е.А. Ополовникова.

Из кн.: Ополовников А.В., Ополовникова Е.А. Древний Обдорск и заполярные города-легенды. – М.: Ополо, 1998. – С. 124

Кроме гипотез были изготовлены чертежи мифической церкви, а затем и построена сама церковь. Подход использовался тот же – предположения. Вот как они сами характеризуют методику, которую применили при реконструкции Обдорского городка с Васильевской церковью: *«Какими были постройки, формировавшие архитектурный облик Обдорской крепости в разные года – десятилетия – века её существования, в наше время можно определить лишь с какой-то долей условности... Традиционные элементы, нечётко выраженные или утраченные, воссоздаются по аналогам, то есть сохранявшимся деталям подобных памятников... Столь же правомерно и воссоздание по аналогам отдельных зданий и сооружений. В конечном итоге историко-культурную значимость приобретает целостный архитектурно-художественный образ сооружения, воскрешающий дух современной ему эпохи, а не количественно точный набор его слагаемых...»*

Ил. 3. Колокольня мифической Васильевской церкви. Проект.
 Авторы: А.В. Ополовников, Е.А. Ополовникова. Из кн.: Ополовников А.В.,
 Ополовникова Е.А. Древний Обдорск и заполярные города-легенды. –
 М.: Ополо, 1998. – С. 126

Именно поэтому при реконструкции Обдорской крепости главная задача виделась не в том, чтобы с абсолютной точностью воспроизвести некогда стоящие в ней здания и сооружения, а в том, чтобы возродить историко-архитектурный образ древнерусской деревянной крепости...».

Мифическая Васильевская церковь и колокольня. В натуре.

Авторы: А.В. Ополовников, Е.А. Ополовникова. 2018 г. Фото: В.Н. Гусева

Если же в Обдорске так долго не было церкви, то что было вместо неё? Здесь уместно привести цитату из работы В.Я. Темплинга: «...Церковь вовсе не обязательный элемент первоустроенного острога. Для строительства храма не всегда могли быть соблюдены канонические правила, а вот часовня – постройка, не требующая особых условий при постройке и обслуживании и, возможно, именно она была тем самым «необходимым» культовым элементом первых острожков. По всей видимости, так обстояло дело и с Обдорским острогом».

Первый обдорский храм во имя Василия Великого

К сер. XVIII на обдорской земле в 65 дворах проживал уже 321 чел. православного вероисповедания (162 мужчины и 159 женщин). По численности это уже был приход, а церкви всё ещё не было. Лейтенант флота Д.Л. Овцын в 1733 г. в своём рапорте упомянул в Обдорске только четыре казённых строения, церкви в этом списке нет.

Указ о первом обдорском храме был подписан митрополитом Антонием II (Нарожницким) **летом 1745 г.** Этим же документом был назначен и священник Фёдор Кузнецов.

Надо сказать, что первый обдорский священник был личностью весьма незаурядной и в истории известной. И.С. Шемановский относительно него сделал приписку: *«Претерпевший много невзгод и несчастий»*. Это ещё мягко сказано. Фёдор Петров сын Кузнецов служил священником церкви Рождества Пресвятой Богородицы в г. Берёзове, куда взошедшая на российский престол Анна Иоанновна в 1730 г. сослала фаворитов своего предшественника Петра Второго – членов могущественной до того фамилии князей Долгоруких. Главой берёзовских Долгоруких был князь Иван Алексеевич – личный друг бывшего императора. Его духовником и стал отец Фёдор. На одной из исповедей опальный князь признался, что де в 1730 г., накануне смерти Петра Второго он составил и подписал за умиравшего императора подложное завещание. Что было делать священнику? С одной стороны, согласно церковным канонам, он был обязан соблюдать тайну исповеди, с другой стороны – в исполнение действующего законодательства, тут же донести. Пётр Первый, который не видел разницы между священнослужителем и государственным чиновником, подписал закон, обязывающий священников «информировать органы» о государственных преступлениях, даже если это стало известно в ходе исповеди. За нарушение этого закона наказа-

ние святым отцам грозило чрезвычайно суровое, вплоть до смертной казни. Видимо, берёзовский поп больше боялся нарушить божий закон, чем царский, и посему не стал кричать «слово и дело государево», а лишь отпустил Долгорукому грех положенными в таких случаях словами «Бог тебя простит!».

Возможно, эта история так и осталась бы известной только исповедовавшемуся да его духовнику, если бы в сентябре 1738 г. не началось громкое расследование, инспирированное злопамятной Анны Иоанновной против берёзовских Долгоруких. На пытках князь Иван и вспомнил про исповедь. Так Фёдор Кузнецов и ещё несколько берёзовских священников оказались втянутыми в следственный процесс о государственных преступлениях Долгоруких. Наказание было суровым. Святых отцов не казнили, как казнили других обвиняемых, но *«нещадно били кнутом и сослали на каторжные работы»*. А отцу Фёдору – единственному – ещё и вырезали ноздри. Не помогло даже заступничество митрополита Tobольского и всея Сибири Антония (Стаховского).

Вот таким – изуверченным, много претерпевшим и, видимо, порядочным – оказался первый обдорский священник.

К слову сказать, органы госбезопасности всегда использовали священнослужителей для получения информации из исповедей. Можно в этой связи вспомнить хотя бы знаменитый антиклерикальный роман Э. Войнич «Овод». Ещё одним примером может служить поступившее в Обдорский храм в октябре 1774 г. секретное распоряжение Tobольской духовной консистории о бдительности и своевременной передаче гражданским властям исповедальных сведений о Пугачёве.

**Указ Берёзовского духовного правления
обдорским церковнослужителям о бдительности
и своевременном донесении гражданским властям
сведений о Пугачёве**

По секрету.

Указ Ея императорского величества самодержицы всероссийския из Берёзовского духовного правления Обдорской Васильевской церкви священноцерковнослужителям.

Сего октября 31 дня полученным Ея императорского величества из Tobольской духовной консистории сего 774 года указом велено в случае разглашений злодея Пугачева священно- и церковнослужителям накрепко подтвердить указами, чтоб они в таких делах

поступали весьма осторожно. Кой час, что вредное или опасное от кого услышат, тот бы час объявляли в гражданских правительствах.

Того ради, по указу Ея императорского величества Берёзовское духовное правление определили: ко всем священно- и церковнослужителям о действительном и неременном, по силе вышесписанного Ея императорского величества из Тобольской духовной консистории указа, исполнений строжайше подтвердить указами. И в обдорской Васильевской церкви священно- и церковнослужителям чинить по сему ея императорского величества указу, а в протчия места таковые указы посланы. 1774 года октября 31 дня.

Протопоп Андрей Андреев, дьячек Федор Кокоулин.

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1. Л. 304–304об. *Рукопись. Подлинник.*

Но вернёмся к истории храма. Как и положено, место для него было выбрано особенное, в местном ландшафте заметное – на мысу высокого правого коренного берега, возвышающегося над р. Полуй. Но такие места привлекали внимание людей издревле. Поэтому церковностроители отнюдь не были первонасельниками этого участка. Впервые люди обосновались здесь ок. 4–5 тыс. лет назад – ещё в **III – нач. II тыс. до н. э.** (по археологической периодизации это соответствует времени энеолита – раннего бронзового века). Они построили здесь поселение, около которого со временем появилось и кладбище. Более поздние обитатели, которые, как и все прочие пришельцы, считали себя первопроходцами, при своём обустройстве новой для них территории разрушали культурные слои, сформированные их предшественниками. Поэтому при раскопках этого объекта культурного наследия, получившего в археологии название стоянка Салехард 1, учёным удалось найти только пять могил и несколько предметов. Судьба первых обитателей этой территории неизвестна, но после них мыс надолго опустел. Второй раз он был заселён только во **втор. пол. I тыс. до н. э. – первых веках н. э.** (ранний железный век), третий раз – во **втор. пол. VI–VIII в.** (раннее Средневековье). Ещё позже – в **кон. XVI – нач. XVIII в.** – здесь располагалась резиденция местных князей. Ханты называли её *Puling-auot-wasch* (Полуйского мыса весенний городок), ненцы – *Salja-garden* (Мысовой городок). Остатки этого городка могли бы сейчас пролить свет на многие стороны жизни хантов и ненцев перед приходом в эти места русского населения, но они были почти полностью уничтожены в ходе современных строительных работ.

Обожествление своих лидеров после смерти и сакрализация территорий заброшенных городков после прекращения их существования – эти явления были очень широко распространены в культуре дорусского населения Западной Сибири. Поэтому закономерно, что на месте заброшенного Полуйского (Обдорского) городка в XVIII в. находилось почитаемое местным хантыйским населением святилище.

Каким образом победителям, утверждающим себя на новых землях, можно одновременно стирать историческую память побеждённых, некогда владевших этими землями, и одновременно зримо демонстрировать своё превосходство? Правильно: осквернять прежние святыни, а ещё лучше попирать их своими святынями. Поэтому, подобно монголо-татарам, превращавшим православные церкви в конюшни, или ненцам и хантам, уничтожавшим в ходе междоусобных набегов святилища друг друга, русские новопришельцы, оказавшиеся на Полуйском мысу, как минимум, пятыми, решили поставить церковь именно на месте языческого святилища (тогда они ещё не знали, что придёт время, и они из победителей превратятся в побеждённых, а взявшие верх большевики поступят точно так же – переоборудуют церкви под клубы, где будут читать атеистические лекции и ставить атеистические спектакли).

Кстати говоря, аборигенное население ещё долго помнило о прежней языческой сакральности участка: в 1841 г. взбунтовавшиеся ненцы собирались сжечь постройку, позже прямо в церковной ограде совершали языческие жертвоприношения – лили на землю водку, а в 1899 г. даже закололи оленя. Правда, иеромонах Иринарх по понятным причинам представил последнее жертвоприношение не как акт языческого ритуала, а как выражение поклонения самоедских прозелитов возглавляемому им православному храму.

У рогов

«Но почему у самоедов такое расположение к храму миссии в Обдорске? У многих ещё на памяти, что 14 января 1841 г. самоеды хотели сжечь эту церковь в связи с истреблением русского населения в Обдорске. Эта церковь стоит на месте древнего знаменитого языческого капища, бывшего оплотом древней веры остяков и самоедов. Для них священно само место миссионерской церкви, священна и церковь, стоящая на святом месте. Священна и потому, что с места рогов виден крест её колокольни – символ видимости самой священной горы. Лет двадцать тому назад самоеды, обходя эту цер-

ковь кругом, бросали на её крышу и в её ограду мелкие серебряные деньги. Теперь этот обычай вышел из употребления. В 1899 г., в Новый год во время литургии, пользуясь отсутствием вне церкви публики, самоеды числом около пятнадцати человек в самом Обдорске вблизи церкви принесли в жертву оленя. Я не могу забыть их ответа на вопрос: «Зачем они это сделали?»

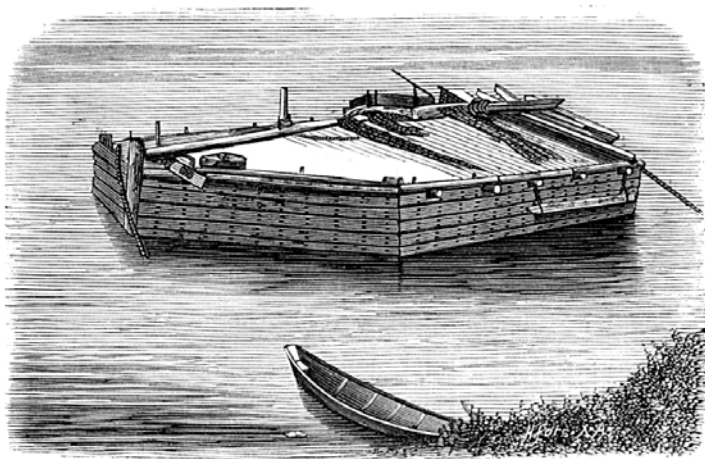
– В честь церкви.

– Этого делать нельзя, – сказал я. – Предупредите и других своих знакомых».

Шемановский И.С. У рогов // Шемановский И.С. Избранные труды: в 2 т. – М.: Советский спорт, 2011. – Т. 1. – С. 77.

Но это будет позже. А в **августе 1746 г.** состоялась закладка храма. Поскольку паствы и богатых жертвователей в ту пору ещё не было, финансировались работы из государственной казны – «*казённым Ея императорскаго величества довольным коштом*».

Сруб из кедровых брёвен поставили быстро, за зиму. Уже 9 марта 1747 г. протопоп Г. Максимов докладывал митрополиту в Тобольск, что «*оная Васильевская церковь ныне уже в достроение приходит*». Но сие «достроение» растянется на несколько лет.

Барка на Оби. Из кн.: *Sommier S. Un'Estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Siriéni, Tatári, Kirghísi e Baskiri.* – Turino; Roma, 1885. – P. 139

С открытием навигации того же 1747 г. из Берёзова берёзовские же казаки приплавляли в Обдорск пиломатериал для храма. Любопытная деталь. Условия тундры предопределили для этих широт очень острый дефицит строительной древесины. Для объёмных строений, где требовалась длинномерная прямослойная древесина, единственным источником был импорт. И лесоторговцы изобрели экономичный способ доставки своего товара в Обдорск: лес грузили на барку (тяжёлое речное несамоходное грузовое судно, буксируемое с помощью людской или конной тяги), сплавляли вниз по Оби до места назначения, а там продавали и груз, и саму барку, которую разбирали на брёвна, плахи и доски. То есть такое судно изготавливалось только на один рейс. Из барочного леса в Салехарде были возведены многие постройки – например, недавно отреставрированный амбар в усадьбе Терентьевых. В отличие от дней нынешних, в XVII–XIX вв. барка была очень популярным видом речного транспорта на Оби. Типичную картинку с её присутствием около обдорского берега изобразили на иллюстрации в своей книге О. Финш и А. Брем, посетившие эти места в 1876 г. (см. далее).

Амбар Терентьевых в Салехарде, собранный из барочного леса («Комплекс городской усадьбы: жилой дом, ворота, амбар (1898 г.)»). 2015 г.
Фото: В.Н. Гусева

Именно так доставили лес и для строительства церкви. По крайней мере, о разборке барки говорится в Указе Её Императорского Величества годовщику Лихачеву: *«Сего июня... 1747 году отправлена из Берёзова вниз по Обе реке с берёзовскими казаками Осипом Редозубовым с товарищи с шести человеки покупная здесь к строению в Обдорску, где новокрещёный князец Василий Тайшин жительство имеет, церкви во имя святого Василия Великого; того ради по приплаве оной барки под городок велеть тебе, определенными при тебе казаками, оную барку изломать и втаскать на гору безоговорочно».*

Косвенным подтверждением только что процитированного архивного документа об использовании барочного леса при сооружении церковного комплекса стали материалы археологических раскопок 2004–2005 гг. Было, например, обнаружено, что для столбов бревенчатого ограждения-заплота вокруг участка использовались штевни и киль барки. А в небольшой жилой постройке, которую археологи называли «домом священника», окладным венцом стали барочные доски шириной до 0,4 м и толщиной до 0,1 м, полом – доски бортового набора шириной 0,4 м.

Теми же раскопками были вскрыты остатки деревянного свайного фундамента, который, по мнению исполнителя этих работ О.В. Кардаша, тоже принадлежал первому обдорскому храму. Пространные цитаты технического описания скучны и научно-популярному тексту противопоказаны, но желание представить уже утраченный ныне опыт наших предков по обустройству масштабных зданий в условиях вечной мерзлоты оправдывает размещение здесь такой длинной цитаты из книги указанного археолога: *«Так как это строение было возведено на мерзлотных грунтах, во избежание оттаивания и осадки была предусмотрена специально адаптированная система свайного фундамента и крепления оснований свай. Фундамент здания представлен следующей конструкцией. По периметру основных объёмов сооружения (несущие стены) были прокопаны траншеи шириной до 1,20 м, глубиной до 1,50 м. На их дно уложены горизонтальные параллельные парные брёвна диаметром до 0,20 м на расстоянии до 0,15 м. На эти брёвна с интервалом до 2,00 м перпендикулярно уложены парные отрезки бруса сечением 0,20×0,25 м и длиной до 1,00 м. В каждом отрезке бруса был выре-*

зан паз размерами 0,10×0,10 м под установку вертикальных столбов диаметром до 0,40 м. Дополнительно столбы крепились к основанию парой многогранных железных скоб размером до 0,30 м и сечением до 0,01 м. Вертикально стоящие угловые столбы зафиксированы четырёхгранным шиповым соединением в горизонтально уложенные отрезки бруса. Дополнительно каждый угловой вертикальный столб закреплён крестообразно четырьмя наклонными распорками (укосинами) диаметром до 0,10 м, закреплёнными коваными гвоздями длиной до 0,18 м. Верхняя часть свай увенчана четырёхгранным шиповым соединением, предназначенным для соединения с окладным венцом. Встреченные в раскопе сваи имели длину до 0,80 м и сохранились практически полностью».

Параллельно с завершением деревянного строительства весь 1747 г. шла активная, но бесплодная переписка по поводу наполнения будущего храма богослужебной утварью. Иконы были написаны в Тобольске, а вот с «сосудами, одеждой, книгами и прочим» вышла заковыка. Ни купить, ни изготовить оные в Тобольске не удавалось.

Так минул год, 8 января 1748 г. всё тот же протопоп Г. Максимов вновь донёс митрополиту: *«И оная Васильевская церковь ныне уже совершенно построена»*. Опять присовокупив к своему рапорту просьбу *«прислать благословенную архиерейскую грамоту, антиминс»*.

Прошли ещё полтора года. Брёвна пустой постройки, которая никак не могла стать церковью, уже потеряли белизну, а Берёзово и Тобольск всё ещё переписывались по поводу утвари. И только в августе 1749 г. тобольская таможня закупила у местного купца Анисима Демидова и сольвычегодца Ивана Бебянина часть необходимого. Остальное – облачения для священнослужителей, кадило, напрестольный крест, оклад на Евангелие *«серебрянный чеканной работы и с серебрянными ж застёжками... всего вышеписанного по цене на сто на десять рублей на пятьдесят на семь копеек»* – изготовили тобольские мастера. Только 29 ноября 1749 г. вся эта утварь была отправлена из Тобольска в Берёзов.

Весь 1750 г. продолжалась достройка церкви, покупались церковная утварь, книги и облачение. Очередная задержка возникла с изготовлением трёх медных колоколов (в два, один и половину пу-

да¹⁾ на Невьянских заводах Демидовых – заказ для Обдорского храма, оформленный ещё в 1748 г., постоянно тормозился. Меж тем был уже сформирован притч: помимо упомянутого выше священника 50-летнего Фёдора Кузнецова, в него вошли дьячок Лукьян Дьячков, 43 лет, и пономарь Иван Бешкильцов, 53 лет.

Прошло четыре с половиной года неспешной жизни северной окраины, и **1 января 1751 г.** первый обдорский храм был наконец-то освящён. Назван он был в честь святого Василия Великого (архиепископа Кессарии Каппадокийской).

И.С. Шемановский пишет, что это имя церковь получила по причине того, что *«время окончания постройки её совпадет со временем... принятия в Петербурге обдорским князем Тайшиным-Мурзиным православия с именем Василия»*. Не правда ли: очень знакомая мотивация? Не здесь ли кроются истоки легенды о мифической Васильевской церкви 1602 г.? Ведь и там говорится, что причиной посвящения храма святому Василию стал факт принятия православия обдорским князем под именем Василия. Трудно поверить в такое полное даже в деталях совпадение двух историй.

Строительство храма в те времена было крайне важным событием для территории и для людей, на этой территории проживающих. Речь идёт даже не о том, что православные обдоряне получили возможность своевременно и на месте получать крайне важные для них христианские таинства и обряды, а не ждать приезжего священника или ехать за этим в Берёзов. Это само собой. Но, помимо возможности беспрепятственно исполнять правила церковного благочестия, прихожане получили и нечто большее – введение в пространство общецерковной жизни, которая была тогда частью общегосударственной жизни, избавление от чувства изолированности и провинциальности. И это было крайне важно для жителей Обдорска, закинутых на широту Полярного круга и вырванного из жизненного ритма страны. Пусть эта аналогия не покажется грубой, но для обдорянина XVIII столетия постройка церкви и последовавшее за этим внедрение в общероссийское социальное пространство имели не меньшее значение, чем для сахардца XXI в. подключение к Интернету и обретение медиапространства.

¹ 32,761 кг; 16, 381 кг; 8,190 кг.

В 1752 г. церковная территория была обнесена оградой длиной по периметру 50 сажень¹ и высотой в одну сажень² из *«надлежащего нетонкого лесу...», чтоб она по постройке могла стоять чрез немалое время неотменно»*.

Церковная утварь и иконостас православных храмов – это преимущественно дары прихожан. Поэтому чем больше и богаче приход, тем роскошнее выглядит храм. И – наоборот. Обдорск XVIII в. ещё не наполнился местными и пришлыми рыботорговцами, не застроился богатыми двухэтажными домами, это случится позже. Посему наблюдается дефицит жертвователей, и убранство церкви представлено самым простым и необходимым набором богослужебных предметов и образов, без излишеств. В 1751 г. иконостас заполняли иконы Николая Чудотворца, Праздников господских и богородичных, имелись две иконы Спасителя. К концу того столетия к ним добавились иконы апостолов Петра и Павла, Владимирской Богоматери, святого Димитрия Солунского и Спаса Нерукотворного; по две иконы – Василия Великого и Божьей матери Одигитрии.

К середине того столетия в церкви уже сформировалось небольшое собрание книг (религиозных, разумеется) – Псалтыри, Триоди, Служебник, Ирмологий, Катехизис, Требник, Прологи на весь год, Евангелие и пр.

Неизвестно, в какое время на церковной территории появилась и жилая постройка, вскрытая в наше время раскопками. Археолог О.В. Кардаш интерпретировал её как «дом священника». Современного жителя Салехарда может поразить миниатюрность жилья его предшественников в XVII в. Это был бревенчатый сруб, выполненный способом «в обло с остатком», общими размерами 4,50×3,50 м (15,80 кв. м). Соразмерными были детали интерьера (кирпичная печь в центре – 1,40×1,60 м, подполье – 0,45×0,45 м) и сени (ширина – всего 0,90 м).

¹ 91,44 м.

² 1,83 м.

**Прошение церковнослужителей и прихожан Васильевской церкви
в Берёзовское духовное правление
о постройке нового придела в честь Николая Чудотворца**

В Берёзовское духовное правление обдорской Василия Великого церкви от церковнослужителей и прихожан прошение.

Объявленная церковь построена весьма велика, что по здешнему климату в зиму за великими морозами и за скудостью дров нагревать не можно. От чего те стены и потолок так промерзают, что во время собрания людей, от духа согревшись, со стен течь, а с потолка капель бывает на жертвенник и престол, почему с нуждою служба отправляется. Да за такую мокротю опасно, чтоб не последовало повреждения и святому антиминсу, де от оной же мокроты святые образа портятся, а трапеза той церкви обширная.

Того ради Берёзовское духовное правление покорнейше просит, не соблоговолено ли будет, во избежания помянутых неудобностей, для зимнего служения на правой стороне внутрь той трапезы построить во имя Святителя Николая Чудотворца придел, и для обложения оного предела посвящение о пресылке святого антиминса к его преосвященству Варлааму епископу Тобольскому и Сибирскому представить 1779 года августа 5 дня.

Священник *Петр Кузнецов*, дьячок *Василий Ногин*, пономарь *Петр Карпов*, князь *Яков Тайшин*, *Емилиан Чурасха*, *Алексей [...]*, *Стефан Манин*.

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 3. Д. 1723. Л. 2. *Рукопись. Подлинник.*

А вот храм, наоборот, получился очень большим: трапезная — 10,5x10,5 аршин (55,8 кв. м), алтарь — 4,5x5,0 аршин (11,4 кв. м). Прогреть такие объёмы печным отоплением оказалось чрезвычайно сложно. Промучившись почти три десятка лет, в августе 1779 г. обдоряне рискнули просить церковных иерархов о перестройке здания. «Добро» было получено, и придел во имя Николая Мирликийского (в народе его больше знают под именем Николая Угодника или Николая Чудотворца) оборудовали внутри трапезной: **11 августа 1781 г.** он был заложен, **9 декабря 1783 г.** — освящён.

**Рапорт протопопа А. Андреева
епископу Тобольскому и Сибирскому Варлааму
о заложении придела во имя Николая Чудотворца
в обдорской Васильевской церкви**

Великому господину преосвященнейшему Варлааму епископу Тобольскому и Сибирскому берёзовского заказщика протопопа Андрея Андреева покорнейший рапорт.

В силу благословленной Вашего преосвященства грамоты 1780 года декабря от 3-го Берёзовского заказа в Обдорском городке при церкви Василия Великого во имя Чудо-

творца Николая приделе много минувшаго августа 11 ч[исла] заложен, о чём Вашему преосвященству в покорности рапортую.

Сентября 1 дня 1781 года.

Вашего преосвященства всенижайший послушник протопоп Андрей Андреев.

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 3. Д. 1723. Л. 9. *Рукопись. Подлинник.*

**Рапорт протопопа А. Андреева
епископу Тобольскому и Сибирскому Варлааму
об освящении придела во имя св. Николая Чудотворца**

Великому господину преосвященнейшему Варлааму епископу Тобольскому и Сибирскому берёзовского заказчика протопопа Андреева покорнейший рапорт.

По грамоте Вашего преосвященства сего года апреля от 25 ч[исла], приложенным при ней святым антиминсом, велено в Обдорском городке вновь построенную придельную церковь во имя Святителя Христова Николая Чудотворца освятить, которая сего декабря 9 дня и посвящена. Грамота отдана в церковное хранение с распискою, а копия с оной оставлена в Духовном правлении. И о сем Вашему преосвященству всепочтеннейше рапортую 1783 года декабря 10 дня.

Вашего преосвященства Всенижайший послушник протопоп Андрей Андреев.

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 3. Д. 1723. Л. 12. *Рукопись. Подлинник.*

Посвящение придела Николаю Мирликийскому кажется совершенно логичным, ибо на севере Западной Сибири этот святой ещё с Ермаковых времён был наиболее почитаем. Причиной тому стало заселение этой территории в XVII в. выходцами с Русского Севера, где образ святого Николая уже давно был очень популярным. «*От Холмогор до Колы тридцать три Николы*», – говорили архангельские поморы.

«В миссионерский храм шумно вошло большое самоедское семейство, состоящее из нескольких мужчин, женщин и детей. Шедший впереди низкорослый самоед, по все вероятности, глава семейства, громким носовым и сиплым голосом сказал: «Нум Никола тара, Никола тара (Бога Николая надо, Николая надо)!».

Указав на большой образ святителя, чтобы своим присутствием не стеснять пришедших помолиться, я пошёл в алтарь, как вдруг позади меня раздалось громкое самоедское «Торóво (Здорóво)!», дружно подхваченное другими мужскими и женскими голосами. Я невольно повернулся в сторону самоедов и увидел их стоящими перед образом святителя Николая и приветствующими его. Удивлённый необычностью формы обращения к святителю, перед иконой которого они стояли, я стал за ними наблюдать. Самоеды,

сосредоточенно смотревшие на суровый, но милостивый лик угодника Божия, казалось, никого, кроме него, не видели...

Как ни всматривался я в самоедов, не мог уловить в выражениях их лиц ни благоговения, ни страха, ни благодарности, ни мольбы... Длившееся несколько минут глубокое молчание, наконец, прервалось. Опять заговорил старший. Он громко стал благодарить святителя за оказанные им его семье благодеяния в сохранении оленьих стад и в хорошем промысле зверя, и, как доказательство последнего, около иконы упала брошенная им красная лисица. Сделав затем несколько поясных поклонов, он продолжал внятным голосом благодарить святителя за выгодную продажу в Обдорске избытка добычи, и на стоящем вблизи образа подсвечнике звякнул положенный им серебряный рубль. Опять возобновившийся ряд поясных поклонов закончился одним общим земным.

Наступило снова непродолжительное молчание, во время которого все молившиеся обратили свои застывшие лица на икону, пока сильный голос главы не стал выдавать те чувства, кои привели этих дикарей в храм. Теперь у святителя спрашивалось покровительство на предстоящий год кочевья в тундре, где столь естественны всякого рода опасности и несчастья. Незамысловатые прошения милости окончились лёгким шумом от упавшей перед образом шкурки крестоватика и звоном другого, положенного на тот же подсвечник, рубля. Самоеды опять начали низко кланяться, опять пали ниц перед святителем; поднявшись, сделали по языческому обычаю слева направо полный оборот перед иконой и, дружно прокричав хором «Локомбой (Прощай)!», пошли из храма...

...Для меня ясно было, что только что вышедшие из церкви самоеды – язычники, потому что они не пытались изображать на себе крестное знамение, как делают это их крещёные соотичи, не спрашивали восковых свечей, не просили шейных крестов и не пытались заговорить со мною...».

Шемановский И.С. Об иконе Николая Чудотворца // Шемановский И.С. Избранные труды : в 2 т. – М.: Советский спорт, 2011. – Т. 1. – С. 18–19.

В 1815 г. храм, простоявший к той поре уже более шести десятков лет был отремонтирован. Для этих целей использовали лес, доставленный в Обдорск кондинскими крестьянами.

Стоит ли говорить, что единственный на обдорской земле храм играл важнейшую роль в духовной жизни русского и части аборигенного населения? Помимо естественной для него богослужебной функции, он решал множество образовательных и даже государственных задач. Так, в 1782 г. обдорские церковнослужители участвовали в переписи населения; в 1811 г. увещевали паству наставлениями о необходимости прививки против «коровьей оспы» (вирусное заболевание человека) и собирали статистический материал о результатах оспопрививания среди детей и младенцев;

Из духовных пастырей первого обдорского храма более других известен предпоследний священник Василий Скосырев, служивший в 1810–1820-х гг. Он переводил на хантыйский язык Катехизис, являлся членом оспенного комитета, в 1818 г. получил бронзовый крест на узкой ленте святого Владимира и стал депутатом Тобольского губернского правления.

Всё шло своим чередом и по заведённому миропорядку. И осенью **1823 г.** 73-летняя история первого обдорского храма завершилась. По указу из Тобольска ветхая постройка была разобрана на дрова для новой церкви, освящённой парой месяцев раньше, а престол сожжён.

Второй обдорский храм во имя первоверховных апостолов Петра и Павла

Процесс христианизации северных хантов и ненцев, как уже было сказано, протекал трудно. Всё XVII столетие они буквально с оружием в руках отстаивали своё право на веру предков. В XVIII в. миссионерская деятельность и естественный ход событий сдвинули дело с мёртвой точки, однако в 1789 г. из-за волнений *«между инородцами восточной части Европейской России по случаю разнёсшегося между ними слуха, что их хотят крестить насильно»* Правительствующий Сенат приостановил деятельность православных проповедников и на Крайнем Северо-Западе Сибири тоже. Через 10 лет, в 1799 г. Святейший правительствующий Синод спросил у Сената, можно ли посылать *«в инородческие селения»* миссионеров, но вновь получил отрицательный ответ. Запрет был снят только через 39 лет – 24 декабря 1828 г. вышел указ Святейшего Синода *«Об учреждении в Тобольской и Казанской епархиях миссионеров для обращения в православие инородцев»*.

А буквально через пять лет история повторилась. Приехавшие в Обдорск миссионеры столкнулись с всеобщим неприятием: с июня 1832 г. по март 1833 г. они окрестили только 17 чел.! Посему они возлагали надежды на эффективность своей деятельности в период ежегодной Обдорской ярмарки (25 декабря – 20 января). Однако по тундре пронеслась весть, что на ярмарке запланировано насильственное крещение всех приехавших – и аборигенный люд саботажно не поехал в Обдорск. Всё бы ничего, и проблема христианизации так бы и осталась проблемой церкви, если бы не один нюанс: податные ненцы и ханты должны были привезти на ярмарку не только меха на продажу, но и ясак (госналог пушниной). И ситуация приобрела уже государственное значение: налоги – это необходимая пища государственного организма. Тобольский губернатор А.Н. Муравьёв, оказавшийся в это время в Обдорске, предложил Синоду отозвать миссионеров из Заполярья, что и было сделано. Деятельность Обдорской (Низовой) духовной миссии возобновилась только в 1854 г.

И всё же процесс распространения государственной религии Российской империи на её северных окраинах был неостановим и необратим. В действие были запущены все доступные механизмы, образно охваченные поговоркой «от кнута до пряника». Пряником в данном случае был, например, указ Императрицы Елизаветы от 29 ноября 1751 г., который предписывал выдавать сибирским аборигенам при крестинах такие дефицитные в крае товары, как сукно, крашеницу, холст: мужчине – на сумму 8 руб., женщине – на 4 руб. 50 коп. Это были весьма немалые деньги. Для сравнения: в то десятилетие пуд ржаной муки в Сибири стоил 5,5 коп., «пшеничной ручной лучшей муки» – 30 коп., пуд свиного окорока – 40 коп. То есть на свои крестильные деньги мужчина мог получить 2327 кг ржаной муки. По современным подсчётам суточная норма потребления хлеба на одного взрослого человека составляет 250–300 г хлеба. То есть семье из двух взрослых и двух-трёх детей для нормального существования необходим 1 кг муки в сутки. Выполняем последнее арифметическое действие и выясняем: только на отцовские крестильные деньги средняя семья могла есть хлеб больше 6 лет без перерыва! Был резон язычнику поразмышлять, стоит ли упорствовать дальше

Панорама береговой части с. Обдорского с видом храма во имя первоверховных апостолов Петра и Павла. 1860-е гг. Эскиз М.С. Знаменского.

Тобольский государственный объединённый историко-архитектурный музей-заповедник. Из кн.: Кардаш О.В. Полуйский мысовой городок князей Тайших. – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. – С. 24. Рис. 0.20

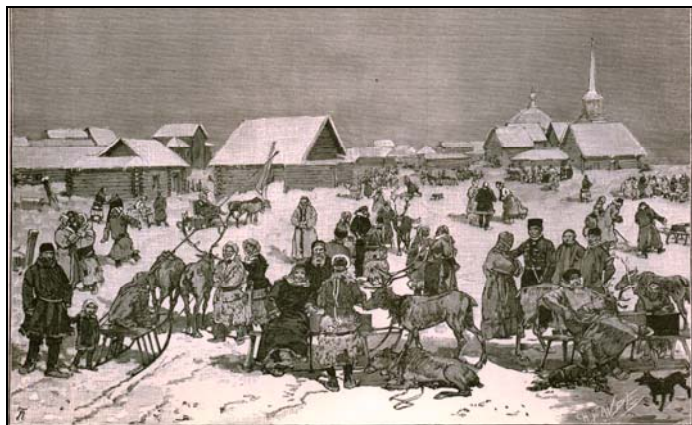
или всё же покреститься? Тем более, как показали дальнейшие события, северные народы нашли очень ловкий выход: они приняли православие в свою культуру, но при этом не отказались и от своих традиционных верований. Перефразируя известную пословицу, в этом случае можно сказать: и священники сыты, и шаманы целы.

Правда, столь высокие «цены» за принятие новой веры были не всегда и постепенно падали.

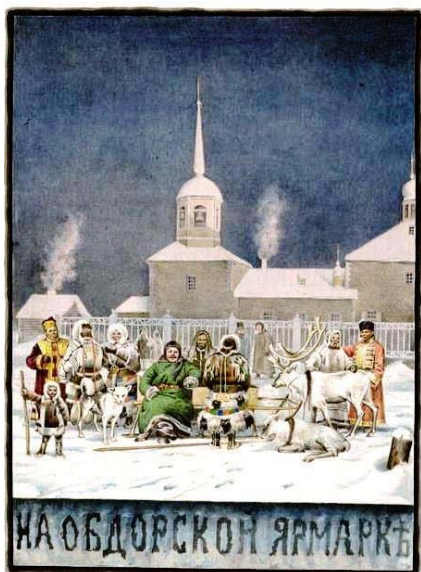
Очень заманчивой льготой для принявших христианство было временное освобождение их от ясака (налога пушниной). Вот документ от марта 1779 г.: «...Дана сия квитанция Обдорского городка Пашерцовых юрт ясаиною остяка Сюми Тонина Татьяне для того, что она ... чрез проповедь слова Божия ... в правильную веру приведена и святым крещением просвящена». Квитанция предназначалась для предъявления берёзовскому исправнику с целью освобождения от налога.

Обдорская ярмарка. На заднем плане храм во имя первоверховных апостолов Петра и Павла. 1860-е гг. Рис. М.С. Знаменского. *Тобольский государственный объединённый историко-архитектурный музей-заповедник. Из кн.: Кардаш О.В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. – С. 25. Рис. 0.23*

Зимняя ярмарка в Обдорске. Иллюстрация в книге итальянского путешественника С. Соммье, скопированная с акварели тобольского художника М.С. Знаменского 1860-х гг. (Sommier S. *Un'Estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Siriéni, Tatári, Kirghísi e Baskiri*. – Turino; Roma, 1885. – P. 281). На заднем плане видны купола храма во имя первоверховных апостолов Петра и Павла

На Обдорской ярмарке. Акварель. 1860-е гг. Худ.: М.С. Знаменский. На заднем плане храм во имя первоверховных апостолов Петра и Павла

На стыке сюжетов о христианизации дорусского населения севера Западной Сибири и о возникновении второго обдорского храма самое место для небольшого рассказа о походных церквях местных миссионеров. Пусть в хронологии это будет и небольшим перескоком вперёд, но без этого рассказа история обдорских церквей будет неполной. Итак, походная церковь – что это?

Вот как её описал И.С. Шемановский: *«Церковь эту составляет палатка из ревендука с такою же ревендушиною крышею на железных дугах, удобно разлагаемая по местам, где предположено совершать в ней Богослужение; вся, с алтарём, длиною 15 аршин¹ и шириною 6 аршин². В ней – иконостас из лёгких складных брусков; иконы, как в ней, так и в алтаре, писанные на полотне, все на подрамниках, кои вместе с иконостасными брусками окрашены зелёным цветом. Всех икон живописных – 14; сверх того, на царских вратах – Всевидяще око и над престолом – Св. Дух в виде голубя, резный из дерева, посеребряный. Иконостас по местам озолоченный»*. Если вспомнить толкование В.И. Далема голландского по истокам слова «равендук» (*«толстая парусина, для больших парусов; ...парусинный холст вообще»*), то всё становится понятным, не так ли? Это большая палатка с иконостасом-трансформером.

Миссионеры понимали трудность привлечения ненцев к церковной жизни уже хотя бы потому, что церковь стояла в Обдорске, а оленеводы большую часть года кочевали по тундре. «Что ж, – решили они, – если Магомет не идёт к горе, то гора идёт к Магомету». И отправили церковь в тундру. Правда, идея мобильного храма родилась не в Обдорске – к этому времени иконостасы в палатках уже курсировали по Енисею и Лене. В XX столетии этот изобретённый святыми отцами мобильный пункт идеологической работы будет активно использоваться их оппонентами-атеистами – в форме «Красных чумов» среди северных народов, «Ленинских комнат» на ударных комсомольских стройках, «Центров политико-просветительной работы» армейских подразделений в полевых условиях и т. д.

Первая походная обдорская церковь была освящена в Тобольске 9 мая 1855 г. во имя святых апостолов Андрея Первозванного и Пет-

¹ 10,67 м

² 4,27 м

ра Первоверховного. Как и полноценный храм, незыблемо стоящий на своём месте с устремлёнными к небесам куполами, это мобильное подразделение обдорского православия имело свой причт – священника, диакона и двух причётников.

Усиление миссионерской деятельности вызвало к жизни и вторую походную обдорскую церковь. Она вошла в состав так называемого Тазовского стана, созданного по указу Святейшего Синода от 10 марта 1867 г. № 1274. На службу в ней определялся один священник-миссионер, также приписанный к Обдорской Петропавловской церкви.

Походные церкви занимали свою определённую нишу, но ведь, кроме тундровых ненцев, были и другие православные – в Обдорске. И их количество всё росло и росло. А церковь, поставленная ещё в сер. XVIII в., всё ветшала и ветшала. И **14 июля 1813 г.** в Обдорск поступил указ из Берёзовского духовного правления о постройке новой церкви – второй по счёту.

**Указ из Берёзовского духовного правления
обдорскому причту о постройке новой церкви в с. Обдорске
во имя апостолов Петра и Павла**

Указ Его императорского величества самодержца всероссийского из Берёзовского духовного правления обдорским священноцерковнослужителям. Таковым же Тобольская духовная консистория от 28 июня сего года за № 1311-м предписала сему Правлению с прописанием резолюции Его высокопреосвященства о дозволении вместо пришедшей в ветхость в Обдорске деревянной Васильевской построить вновь деревянную же. Чтоб настоящий престол был во имя первоверховных апостол[ов] Петра и Павла с приделами Угоднику Николаю Чудотворцу и Василию Великому. Для которого строения дозволяется и накопленные деньги употребить, к свечным же отнюдь не касаться. И для того приказали: с прописанием указа Консистории к исполнению обдорским священноцерковнослужителям предписать указом же с тем, чтоб они обратили внимание в приготовлении материалов на постройку, и какой будет успех, правлению по третям года рапортовали бы. Июля 14 дня 1813 года.

Иерей Андрей Тарков

Канцелярист Лукин.

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 699. Оп. 1. Д. 7. Л. 175. *Рукопись. Подлинник.*

Строительство нового храма с благословения архиепископа Амвросия I (Келембета) было начато в **1817 г.** На этот раз – уже трёх-

престольного. Главный престол было решено посвятить первоверховным апостолам Петру и Павлу, приделы – прежде почитаемым святым: правый (южный) – святому Василию Великому, левый (северный) – святому Николаю Чудотворцу. Позже, уже в XX столетии, И.С. Шемановский напишет, что левый придел посвящён *«во славу святых святителей Николая Мирликийского и Гурия Казанского вместе»*, но когда к первому имени добавилось второе, неизвестно.

Почему главный престол сменил небесного покровителя? Всё очень по-земному: кто платит деньги, тот и заказывает музыку. Если первую церковь строили на державный кошт, то и святого покровителя определяли государственные люди. А на новый храм деньги (5000 руб. ассигнациями) собирали с прихода, точнее – с богатых *«прихожан и доброхотных дателей»*. А кто в Обдорске мог быть богатым? Правильно – рыбопромышленники. Они уже встали на ноги, и весь XIX в. именно они будут «обдорскими олигархами». Вот эти-то прихожане и пожелали, чтобы, как выразился И.С. Шемановский, *«святými покровителями рыболовства и патронами края»* стали апостолы Пётр и Павел.

Более привлекательным для них, конечно, был образ Петра – одного из тех самых 12 апостолов, которые были ближайшими учениками Христа. Это ему и его брату при встрече Иисус сказал: *«Идите за мной, и я сделаю вас ловцами человеков»*. Почему ловцами? Потому что Пётр был потомственным рыболовом. Он добывал сетями рыбу на озере, он насквозь пропах рыбой, он на своих мозолистых руках нёс тяжёлый опыт рыбодобытчика – и потому он был для обдорян «своим». Позже, где-то в промежутке между 64-м и 68-м годами, Пётр был распят императором Нероном. В Царствие Небесном он является стражем ворот рая.

Павел был не рыбаком, он был фарисеем – служителем религиозно-философского культа. Фарисеи люто боролись с христианством, и именно они добились казни Иешуа Га-Ноцри, которого мы знаем под именем Иисус Христос. Однако Павел уверовал в новое учение, стал его проповедовать, за что и был обезглавлен в один день с распятием Петра.

С основанием того храма и досель именно Пётр и Павел являются главными покровителями обдорских (салехардских) православных.

По поводу освящения этого храма у исследователей нет единства. И.С. Шемановский несколько раз указывает дату **25 июня 1823 г.** и утверждает, что процедура освящения была проведена протоиереем И. Вергуновым. Это вполне согласуется с датой указа из Тобольской епархии о разборке ветхой постройки прежней церкви – осень 1823 г. Однако хорошо знакомый с архивной документацией по этому вопросу В.Я. Темплинг настаивает, что к осени 1823 г. лишь было «*в основном закончено строительство*», а освящение состоялось в **1824 или 1825 г.**

Новую церковь снова поставили на берегу Полуя – на уже намоленном месте, рядом с прежней, обветшавшей. Как и предшественница, она тоже была собрана из кедрового кругляка, на этот раз «*приплавленного экономическими крестьянами Кондинского монастыря*».

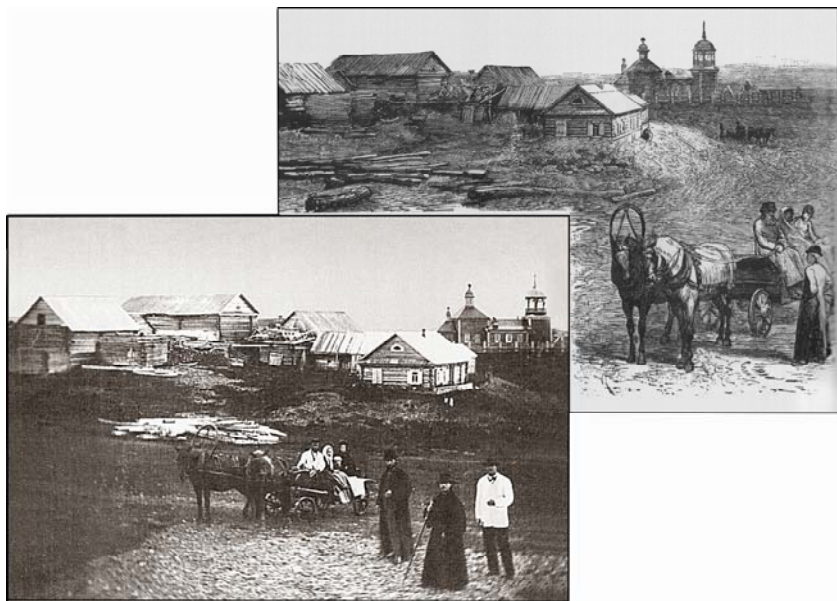
Изначальная церковная постройка представляла собою четырёхугольный сруб, к нему примыкала деревянная же двухъярусная колокольня. Основной храм был летним, холодным, приделы – тёплыми. Венчалось церковное строение пятью железными крестами, один из которых был покрыт сусальным золотом, остальные окрашены. Колокольня была оснащена пятью колоколами весом от 21 фунта (2,268 кг) до 11 пудов (180,188 кг). Церковный участок был окружён деревянной решётчатой оградой с двумя воротами.

Погребения XIX – нач. XX в. прихрамового кладбища у храма во имя первоверховных апостолов Петра и Павла (затем во имя чудотворной иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость»). Археологические раскопки 2004 г.
Из кн.: Кардаш О.В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. – С. 73. Рис. 1.13–5, 6

Набожные прихожане заботились о своём храме. К 1843 г. обе постройки – и церковь, и колокольню – обшили снару́жи тёсом и покрасили, крышу покрыли листовым железом. Построили небольшую («в два окна») сторожку с тесовыми сенями. В 1835 г. набор колоколов усилился самым мощным – Благовестом – весом 33 пуда 15 фунтов (547,367 кг), который обошёлся жертвователям в 1375 руб. Через три десятилетия, в 1865 г., купец А.П. Чечуров подарил ещё один Благовест, во всех отношениях ещё более «весомый», – 36 пудов (589,705 кг).

Храм во имя первоверховных апостолов Петра и Павла. Первая из известных фотографий. Рисунок был опубликован в кн.: *Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общей ред. П.П. Семёнова.* – СПб.; М.: Товарищество М.О. Вольф, 1884. – Т. 11: *Западная Сибирь.* – С. 123. Совершенно очевидно, что иллюстратор «Живописной России» использовал фотографию, которую теперь можно датировать временем до 1884 г.

Также богатело и улучшалось внутреннее убранство храма. Верующие, как могли, участвовали в этом процессе, сообразуясь со своим достатком и желанием. Кто победнее, тот приносил шали, платки, отрезы ткани. Зажиточные прихожане, для которых вклад в церковь был одним из способов повысить свой социальный статус в глазах земляков, жертвовали более дорогие вещи. Так, уже упомянутый купец А.П. Чечуров преподнёс поначалу *«пелену настольную, ризу священническую с оплечьями и крестом, шёлковый покров и воздухи, купель медную, одежды на престол, набедренник парчовый»*, а позже *«богатую плащаницу на малиновом бархате, с золотой вышивкой и кистями»*. Купец П.Ф. Плеханов передал обдорскому храму *«два киота богемского стекла, украшенных позолотой»*. Купец и церковный староста А. Трофимов на свои собственные средства *«вызолотил и покрасил иконостасы приделов»*. Участвовали в создании благолепия своей церкви и другие прихожане: мещане М. Мамеев и Д. Булыгин, крестьянин А.Ф. Рочев и многие иные.

Есть непроверенная информация, что первый иконостас и всё церковное убранство купил в Тобольске и доставил в Обдорск на собственные средства берёзовский купец Александр Иванович Нижегородцев.

Кстати говоря, эта была очень неординарная личность. Один из самых богатых людей края, отец которого – тобольский купец – поднялся на торговле хлебом и в 1799 г. перебрался поближе к рынку сбыта – в г. Берёзов. Александр Иванович Нижегородцев (ок. 1783–1833) вошёл в местную историю не только как богатый человек и щедрый меценат, но и как первый акклиматизатор злаковых в Берёзовском уезде (это происходило в 1826 г.) – более ранние опыты выращивания хлебных культур в этих широтах не известны. Указанный дар был не единственным вложением этой семьи в обдорский храм; все братья Нижегородцевы, их жёны, а затем и повзрослевшие дети делали это регулярно. *«Пожертвования как берёзовскому Воскресенскому собору, так и обдорской Петропавловской церкви были традицией Нижегородцевых»*, – отмечал историк В.К. Белобородов.

Младший сын – Николай Александрович – перебрался в Обдорск и основал обдорскую линию Нижегородцевых. Он продолжил не только коммерческое, но и благотворительное дело родителя, за что

в 1878 г. был отмечен даже в столице Российской империи – удостоен благословения Святейшего Синода *«за пожертвование в пользу учреждений духовного ведомства»*.

Вернёмся, однако ж, к истории обдорского храма. С годами его иконостас, как и всё убранство, богател – и количественно, и качественно. В XIX в. перечень икон, как пишет В.Я. Темплинг, *«занимал уже не одну страницу»*; наиболее значимые и почитаемые из них усилиями прихожан оформлялись в дорогие ризы и киоты. Так, привезённая в 1842 г. икона апостолов Петра и Павла весила 9 фунтов (4,082 кг), была украшена серебряной ризой с позолоченными венцами и имела надпись: *«14 января 1841 г.»*. Стоила она весьма немалые по тем временам деньги – 390 руб. серебром и 5 руб. золотом.

Как и было положено в то время, церковь в сёлах и заштатных городках, да ещё и в сибирской глуши, являлась не только главным, но и единственным светочем духовно-нравственной и культурной жизни поселян. Так, в 1853 г. в соответствии с указом Святейшего Синода при обдорской церкви Петра и Павла была организована специальная миссия для окончательного сокрушения язычества на Крайнем Севере Российской империи. В 1867 г. при миссии была

Игумен Иринарх (И.С. Шемановский) с воспитанниками школы при Обдорской православной миссии. Нач. XX в. *Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского*

открыта школа, где учились несколько детей коренных малочисленных народов Севера. В 1876 г. в женской школе при миссии учились 5 ненецких девочек, в мужской – 16 мальчиков-ненцев. В 1898 г. число учеников сократилось до 10 чел., в 1904 г. поднялось до 23 чел. В 1894 г. (по другим данным, в 1898 г.) при школе был организован пансион (по-нынешнему интернат) на 20 чел. из числа ненецких и хантыйских ребятишек.

Наиболее яркой фигурой за всю историю миссии стал, конечно же, иеромонах Иринарх, в миру Иван Семёнович Шемановский (1873–1919). Он приехал в Обдорск 25-летним выпускником семинарии в 1898 г., покинул северный край в 1910 г. Казалось бы, всего 12 лет, не такой уж большой срок. Однако для деятельной натуры он оказался достаточным для свершения многих и богоугодных, и общественно полезных дел. Очевидно, что настоятель миссии своей главной целью считал обращение в христианство народов Севера. Однако в качестве механизма для движения к этой цели он выбрал не скучные проповеди – бессмысленные для иноязычного и инокультурного ханта или ненца, а потому и абсолютно неэффективные. Как и большинство прогрессивной молодёжи в России во втор. пол. XIX столетия, настоятель полагал просвещение народа главным требованием дня. Только одни видели в просвещении самую короткую дорогу к социальной революции, а отец Иринарх – к богу. Поэтому он стал ревнителем распространения грамотности: на собственные средства устроил в Обдорске библиотеку, основал в п. Хэ миссионерский стан (школа + библиотека + молитвенный дом), открыл «Коллекцию материалов по этнографии коренных народов Севера» – учреждение, которое через череду долгих лет и административных метаморфоз стало ныне окружным музейно-выставочным комплексом и совершенно заслуженно носит имя И.С. Шемановского.

Возвращаясь к представлению иконостаса Петропавловского собора, нужно отметить особо чтимый образ Божией Матери «Всех скорбящих радость». Он появился в храме в 1820-х гг. и невольно стал причиной переименования последнего. Дело было так. В 1886 г. в низовьях Оби разразилась эпидемия возвратного тифа. Жители Обдорска молились об избавлении от этой напасти перед иконой и, когда тиф отступил, приняли это как результат заступничества Пресвятой Девы. В благодарность за то в 1887 г. обдорские обыватели

постановили построить деревянную церковь во имя чудотворной иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость». Но «постановить» и «построить» – это совсем не одно и то же. Время шло, постановление никак не претворялось в жизнь, а обет богу – дело нешуточное. И вскоре обдоряне нашли выход. Поскольку уже был поставлен и в 1894 г. освящён новый (каменный) храм с тем же самым посвящением Петру и Павлу, они обратились к церковным иерархам в Тобольск с просьбой переименовать старый Петропавловский храм в храм в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» (в просторечии – Богородицкую). В **1894 или 1895 гг.** (И.С. Шемановский в разных работах указывает обе эти даты) митрополит Тобольский и Сибирский Агафангел пошёл навстречу своей пастве, и жители Обдорска, не потратив ни копейки, исполнили данный Богородице завет. Сильно серчавший на них отец Иринарх (И.С. Шемановский) с сарказмом констатировал: *«На этом и остановился их обет устройства церкви».*

У святого отца и основателя обдорского краеведения были основания быть недовольным, ибо он оказался в гуще разыгравшейся после строительства нового храма четырёхлетней склоки среди обдорских обывателей.

Панорама Обдорска с двумя храмами. 1876 г. По: *Путешествие в Западную Сибирь доктора О. Финша и А. Брема.* – М., 1883. – С. 501

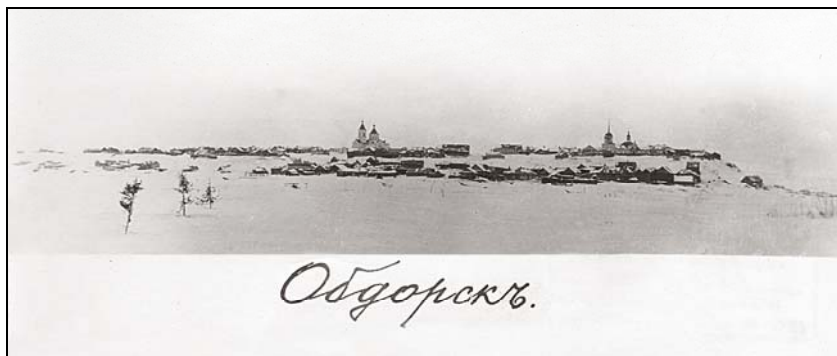

Два православных храма на одно село. При этом с. Обдорск никогда собственного прихода не имело, приходом была огромная территория, на которой проживали как русские, так и принявшие православие зыряне, ханты и ненцы. И новый кирпичный храм, строившийся на замену деревянной церкви, тоже поначалу предназначался для прежнего мегаприхода, то есть должен был отойти Обдорской миссии, возглавляемой игуменом Иринархом. Но экономически окрепшее русское население, внёсшее к тому же значительный денежный вклад в строительство нового храма, решило иначе: быть в Обдорске своему приходу, быть новому храму приходским, а старому – приписным к нему! Члены Обдорской противоязыческой миссии согласиться с этим никак не могли и по заведённому ранее порядку начали проводить в новом храме свои службы.

Трудно теперь прояснить, как развивались дальнейшие события, поскольку они представлены почти исключительно И.С. Шемановским, а он был лицом крайне заинтересованным и потому субъективным. Он писал: «...*Неспокойные прихожане из русских в период 1895–1898 гг., будучи недовольны тем, что этим храмом пользуется для своих нужд миссия, выискивали всякие причины к тому, чтобы прервать в нём богослужение*».

Во избежание «постоянно возникающих недоразумений между Обдорской миссией и русскими обывателями с. Обдорска из-за права пользования храмом» пришлось садиться за стол переговоров: с одной стороны – обдорские миссионеры во главе с отцом Иринархом, с другой – «неспокойные прихожане из русских», посередине – берёзовский исправник и обдорский заседатель, во главе – епископ Агафангел. Видимо, консенсус всё же был достигнут и донесён до самого верха церковной организации в России.

Результатом стал указ Святейшего Синода от **17 мая 1899 г.** за № 2720, по которому старая деревянная церковь оставалась за миссией, а новая каменная передавалась в ведение выделенного из миссии нового прихода, который образовали русские и зырянские жители Обдорска. И с этой поры православные Обдорского края разделились: русские и зыряне стали ходить в свой храм, ненцы и ханты – в свой. Такое вот «следование» завету Христа Спасителя, сделанному незадолго до его распятия: «*Да будут все едино*»...

Панорама Обдорска с куполами храма во имя первоверховных апостолов Петра и Павла (слева) и храма во имя чудотворной иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» (до перестройки). Рубеж XIX и XX вв.
Фото: А.А. Дунин-Горкавич

Панорама Обдорска с куполами храма во имя первоверховных апостолов Петра и Павла (слева) и храма во имя чудотворной иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» (до перестройки). 1899 г. Фото: У.Т. Сирелиус

Панорама Обдорска с куполами храма во имя первоверховных апостолов Петра и Павла (слева) и храма во имя чудотворной иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» (после перестройки). 1909 г. Фото: А.И. Галкин.

Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск)

В том же указе притчу и пастве нового храма предписывалось вернуть на прежнее место особо чтимую ненцами и хантами икону святого Николая Чудотворца, которую прихожане нового храма вынесли в 1894 г. для процедуры освящения, да так там и оставили.

Кстати говоря, с этой иконой, ставшей яблоком раздора между двумя обдорскими церквями, в будущем случится ещё одна история. При разграблении храма в годы диктатуры «воинствующих безбожников» она, как и многое другое, исчезнет. А в декабре 2014 г. житель с. Красноселькупа ЯНАО объявит о желании вернуть в Петропавловский храм икону святителя Николая Мирликийского. Легенда такова: некая ненецкая семья «под покровом ночи вынесла из гибнущего храма в последние дни его существования» эту икону и несколько богослужебных книг и откочевала в верховья р. Таз, где «бережно хранила и передавала из поколения в поколение бесценные реликвии», пока они не оказались у дарителя. Любой музейный работник и коллекционер знает, как много легенд и слухов сопровождают иконы. Ни свидетелей, ни документов, ни бесспорных доказательств аутентичности подаренной в XXI в. иконы той святыне, что хранилась в Обдорском храме в XVIII–XX вв. и особо чтилась ненцами и хантами, нет. Как нет и аргументов в поддержку мнения о том, что это разные иконы с ликом Николая Угодника, хотя это

весьма реально, поскольку образов с этим самым популярным на Севере святым было десятки, а то и сотни тысяч.

Однако вернёмся к истории второго обдорского храма – старого, ветхого, но ещё живого. Здесь опять основным источником служат записки И.С. Шемановского, которые, как уже было сказано, не могут быть объективными. К тому же святой отец не очень последователен. Даже в одном абзаце своего сочинения «История Обдорской духовной миссии» он использует два разных по содержанию существительных: *«С этого времени [1899 г.] ветхий и бедный миссионерский храм, не имевший почти никаких средств, стал так быстро поправляться, что в 1903 г. уже можно было приступить к его **перестройке** [выделено нами. – Я.Я.] вновь. Законченный **постройкою** [выделено нами. – Я.Я.], большой, просторный и светлый трёхпрестольный деревянный храм обошёлся миссии в 16000 руб.»*. В другой работе – «Хронологический обзор достопамятных событий в Берёзовском крае Тобольской губернии (1032–1910 гг.)» – он же пишет: *«1903 г. **Упразднена** [выделено нами. – Я.Я.] третья по счёту церковь (постройка 1823 г.) «вследствие её ветхости»*.

Так всего лишь «перестройка» или всё же «постройка»? Когда закончилась история второго обдорского храма? Можно ли считать, что миссионерский храм построен в 1820-х гг., или же он был возведён сызнова на том самом участке, где стояла полностью разрушенная вторая обдорская церковь?

Вряд ли здесь возможен однозначный ответ, коли сам отец Иринарх путается в словах. Есть классическая философская притча о сэре Джоне и его экономной жене, которая постоянно чинила его красные носки в разных местах зелёными нитками. По прошествии нескольких лет носки из красных стали полностью зелёными. Вопрос без однозначного ответа: это те же самые носки или уже другие?

Сдаётся всё же, что настоятелю миссии очень хотелось остаться в обдорской истории созидателем нового храма. Поэтому в его работах так настойчиво проводится мысль, что старый Петропавловский храм в ходе работ 1903–1904 гг. был заменён на новый Богородицкий. Это не совсем так.

Если говорить о конструктивной и строительной стороне дела, то перестройка действительно была радикальной. Проект и смету подготовил епархиальный архитектор Б.Б. Цинке. Они дважды были

предметом обсуждения на комиссии Тобольской духовной консистории: первый раз – 9 июля 1897 г., второй (после доработок по замечаниям Тобольского строительного отделения) – 23 декабря 1900 г. Согласно этим документам, новое здание значительно расширилось в площади и приобрело иной облик. Стены из брёвен, доставленных из Тобольска, обшили тёсом с имитацией каменной кладки, покрасили масляной краской и украсили по всему периметру псевдокарнизом из набитых дощечек. Другие изменения А.В. Ополовников и Е.А. Ополовникова, изучавшие документы по перестройке церкви, представляют так: *«К северному и западному входам пристроили казённого вида крыльца с тощими и безликими столбами-опорами; над храмом водрузили толстый барабан с широкой, словно бы расплывшейся главой...; над колокольней, алтарём и приделами, напротив, возвели длинношее барабанчики с маленькими главками, которые более походят на грибовидные расширения этих барабанов, нежели на несущую крест церковную главу...»*. Нелицеприятный тон этого описания указывает на негативную оценку авторов – профессиональных архитекторов и историков русского народного зодчества – произведённых изменений храмовой постройки. Есть в их книге и достаточно жёсткий приговор: *«Можно с полной уверенностью сказать, что деревянная церковь, построенная в нач. 20-х гг. XIX в. в Обдорске, не блистала таким “благодетельным безвкусием”, каковое отличало её после “благолепных обновлений”, произведённых в нач. XX столетия. В образе перестроенного храма не сложно увидеть общероссийскую тенденцию обмирщения общественных идеалов, некогда неотмирных, их нескрываемое приземление. В самой же общественной жизни России эта тенденция проявилась, прежде всего, в оказывании церковного клира...»*.

И.С. Шемановский, наоборот, не жалеет хвалебных слов в адрес обновлённой постройки, и это подводит к мысли, что именно он и был инициатором тех *«благолепных обновлений»*, которые вызвали иронично-скептическую оценку многих его современников тогда и архитекторов Ополовниковых сейчас. По крайней мере, заказчиком проекта у Б.Б. Цинке был именно И.С. Шемановский.

Но не стены, кровля или крылечки определяют суть храма, его бессмертной душой, идейным стержнем и обрядовым центром является алтарь. Его место незыблемо. При сохранении алтаря сохраня-

ется и церковь, даже если постройка пострадала от ветхости, пожара, наводнения и пр. А алтарь второго обдорского храма в ходе грандиозной перестройки, затеянной Шемановским в 1903–1904 гг., сохранился. Сам настоятель миссии писал об этом так: *«Он поставлен на место упразднённой церкви так, что главный престол старого храма пришёлся на таковой же нового; места же от придельных престолов разобранный церкви пришлись под колонны новой, придельные алтари которой в одну линию со средним».*

Немаловажным обстоятельством является также сохранение количества приделов и их прежнее посвящение.

Стало быть, история основанного в 1817 г. храма в нач. XX в. не пресеклась. Да, изменилось посвящение – из Петропавловской она стала Богородицкой (главный престол – во имя образа Божией Матери «Всех скорбящих радость», правый придел – во имя святого Василия Великого, левый – в честь святых святителей Николая Мирликийского и Гурия Казанского). Да, почти полностью была обновлена постройка. Но церковь – та же.

Храм во имя чудотворной иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» (после перестройки). Нач. XX в. Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского

Кстати, о постройке. Наибольший вклад в её создание был сделан старостой храма, берёзовским купцом Василием Абрамовичем Оленевым.

Службы в обновлённой постройке, которая теперь стала храмом миссии, были возобновлены 8 ноября 1904 г. По некоторым сведениям, её стали называть «хантыйской».

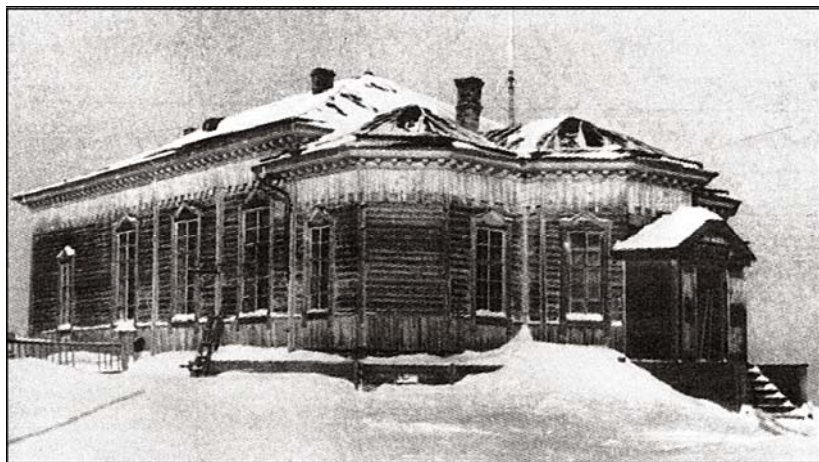
Более века деревянная церковь служила духовной опорой для жителей Обдорска, но большевики не захотели делиться властью над народом даже с богом. И в кон. 1920-х гг. храм во имя образа Божией Матери «Всех скорбящих радость» пополнил длиннющий список репрессированных религиозных построек СССР. Для строительства нового общества у хантов и ненцев обстригли косы, а у церквей снесли купола и колокольни. У всех – и у людей, и у бывших церковных построек – начались «рабочие биографии». В 1930–1950-х гг. в бывшем Петропавловском соборе располагалась типография, а позже постройку расширили и превратили в речной вокзал, в статусе которого она прожила ещё четыре десятилетия.

Миссионерский храм во имя чудотворной иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» (после перестройки). 1914 г. Фото: Г.Н. Дмитриев-Садовников. *Тобольский государственный объединённый историко-архитектурный музей-заповедник. Из кн.: Кардаш О.В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных.* – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. – С. 24. Рис. 0.21

Типография (бывший храм в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость»). Внешний вид. 1957 г. *Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского*

Типография (бывший храм в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость»). Внешний вид. Из кн.: *Ополовников А.В., Ополовникова Е.А. Древний Обдорск и заполярные города-легенды. – М.: Ополло, 1998. – С. 148*

Типография (бывший храм в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость»). Интерьер. Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского

Старшее и среднее поколения нынешних обдорян ещё помнят это здание. Хотя большинство входивших в него пассажиров, встречающих или провожающих, уже не знали, что под синей дощатой обшивкой покоились брёвна Петропавловского храма, основанного ещё в 1817 г. Наверняка это было самое старое здание в городе. К сожалению, приходится использовать глаголы в прошедшем времени...

Речной вокзал г. Салехарда (бывший храм в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость»). 1960-е гг.

Речной вокзал г. Салехарда (бывший храм в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость»). 2002 г. Фото: А.Н. Сабаров

Юмористы давно сделали объектом своих насмешек каприз женской моды: выщипать натуральные брови, чтобы на этом месте нарисовать искусственные брови. Абсурд? Конечно. Но мода абсурдна по самой своей сути, и нарисованная бровь на месте настоящей может вызвать лишь усмешку. Но именно этот «косметологический» приём был применён к остаткам второго обдорского храма. Подлинная церковная постройка, которая без малого за два века своего существования сумела пережить несколько войн и революций, перестроек и переименований, в самом нач. 2000-х гг. оказалась окончательно снесённой.

Третий обдорский храм

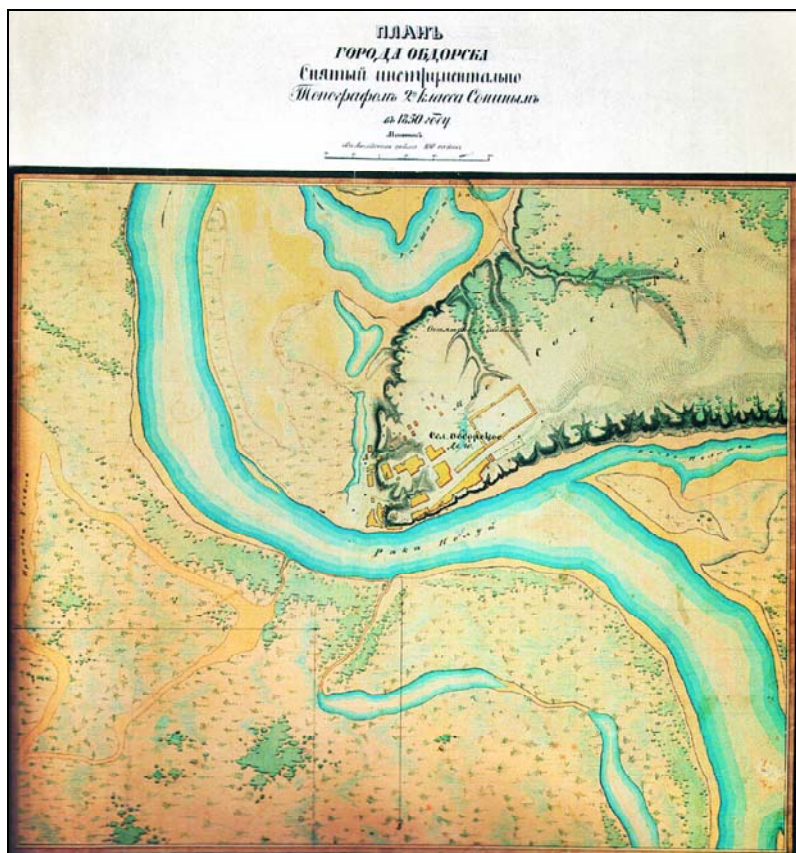
во имя первоверховных апостолов

*Петра и Павла*¹

Для эпитафия к началу истории о строительстве третьего обдорского храма вполне годился бы тост из известной советской кинокомедии «Кавказская пленница»: «Чтобы наши потребности совпадали с нашими возможностями!».

Потребности к сооружению нового «*торум-кат*» (в переводе на русский «божий дом» – так ханты звали православные церкви) были. Постепенное более чем двухвековое втягивание отдалённой северной окраины в российский рынок в сер. XIX в. привело к формированию здесь достаточно обширной рыболовецкой отрасли. Тобольские и берёзовские рыбопромышленники, особенно только входившие в дело молодые поколения, переезжали в обские низовья, где ещё оставались не освоенные для промышленного лова угодья, и открывали своё дело. Росло и административное значение Обдорска. Всё это с неизбежностью способствовало увеличению пришлого населения – почти полностью православного. Увеличивались и «внутренние резервы» прихода за счёт христианизированных ненцев и хантов.

¹ В истории Обдорска/Салехарда могла бы найти своё место и четвёртая церковь – во имя святого мученика Василия и святого праведного и многострадального Иова. В 1908 г. Обдорская миссионерская женская община получила храмозданную грамоту на её постройку, а через два года сам Государь Император из своих личных средств пожаловал на её строительство 2000 руб. Возможно, основной капитал на эту именинную церковь были завещаны берёзовским купцом Василием Абрамовичем Оленевым. К такому предположению склоняют записи И.С. Шемановского, который неоднократно подчёркивал деятельное финансовое участие В.А. Оленева в реставрации Богородицкой церкви, а в коротком сообщении о получении храмозданной грамоты на «*деревянную церковь во имя св. мученика Василия*» упомянул в скобках: «17 июня – день именинной памяти жертвователя купца Вас. Абрамовича Оленева». Почему намерение не стало реальностью, непонятно.

План города Обдорска, снятый инструментально топографом 2-го класса Сониным в 1850 г.

Хуже было с возможностями. Посему здесь уместно ещё раз вспомнить русскую поговорку «Скоро слово сказывается, да не скоро дело делается».

По регламенту того времени требовался начальный документ, которым и стало прошение обдорского священника Александра Тверирина архиепископу Тобольскому и Сибирскому Варлааму (Успенскому) о постройке в с. Обдорском храма. Посвящение небесным

покровителям оставалось прежним (как и действовавшего тогда ещё храма) – во имя первоверховных апостолов Петра и Павла с двумя приделами в честь святых Василия Великого и Николая Чудотворца.

Обращение было заслушано в Тобольской духовной консистории в мае 1869 г. Так было положено начало долгому процессу храмового воздвижения. После заседания были предприняты ещё два организационных шага. Первый – создание «Комитета по постройке каменной церкви в с. Обдорском». Очень деятельным его членом, а затем и руководителем стал Пётр Александрович Попов, который 22 года прослужил священником в старом обдорском Петропавловском храме, а потом был переведён в тобольский Иоанно-Веденский женский монастырь. Второй – сбор средств от доброхотнотателей. Для регистрации последних обдорский священник А. Тверитин получил в консистории специальную книгу.

Согласно представленным проектам и сметам, третий обдорский храм, как и два предыдущих, планировался в деревянном исполнении. Однако это вызвало резкое неприятие влиятельных и амбициозных меценатов: и их общественный статус, и деловая сметка, и возросшее значение села требовали уже иного храма – кирпичного: «Чай, и Обдорск не хуже Берёзова али самого Тобольска! Пошто же по сию пору нет здесь ни одной каменной постройки?!». Как испокон говорили на Руси: «Есть чем звякнуть, так можно и крикнуть». Вот купцы в середине марта 1871 г. и «крикнули». И в итоге на свет появился рапорт: *«Сколь ни кажется операция удобоисполнимою и сколь ни возжеленно устройство храма Божия на конце Вселенной, однако указанные консисторией члены, купцы Плеханов, Неволин и Корнилов, отказались от участия в построении его»*. Купцы просто саботировали начинание *«в пользу построения в Обдорске каменного храма»*. Резолюция на купеческий демарш была однозначной: *«Мнение сие в принципе своём столь резонно и по средствам и времени столь удобоисполнимо, что с ним нельзя не согласиться»*.

Резоны у негоциантов, умеющих тратить копейчку с умом, были обоснованными. Во-первых, доставка леса и пиломатериалов «на конец Вселенной» однозначно обошлась бы дороже, чем организация кирпичного производства на месте. Во-вторых, прочность и долговечность кирпичной постройки несопоставимы с деревянной, и только за это филантропы готовы были увеличить свои расходы с

7259 руб. 41 коп. (сметная стоимость деревянной церкви) до 20000 руб. (примерная стоимость кирпичной церкви). Забегая вперёд, можно сказать, что в реальности строительство храма обошлось в пять раз дороже первоначальных прикидок. Распухающие в ходе стройки расходы придумали не нынешние инженеры-сметчики.

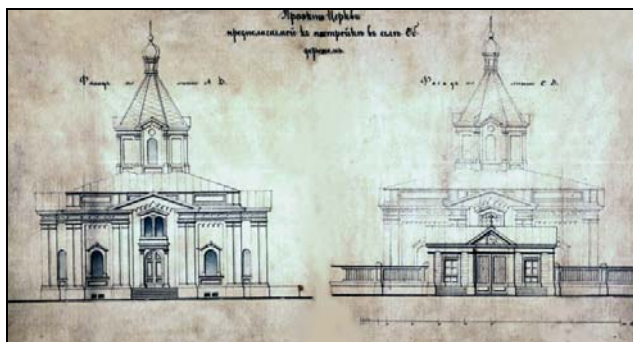
Позже аргументы инициативной группы спонсоров поддерживали и другие. Так, священник П.А. Попов не только письменно оформил соответствующее мнение о возможности кирпичного производства в Обдорске, но и передал образец местной глины, *«залежи которой находятся не далее одной версты от селения»*, тобольским специалистам и получил заключение об её *«высоком достоинстве и годности даже для гончарной посуды»*.

В **марте 1875 г.** Тобольская духовная консистория вынесла своё постановление о строительстве в с. Обдорском каменной трёхпрестольной церкви.

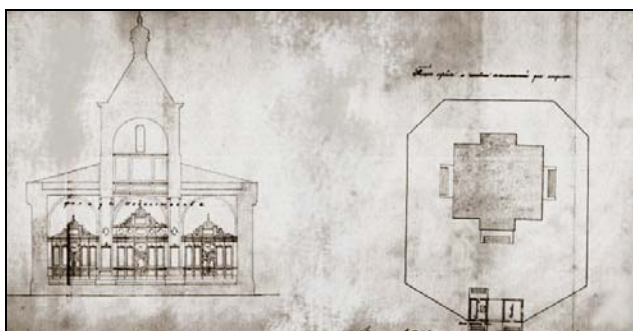
Одновременно шли поиски участка для нового храма. Он должен был соответствовать нескольким эстетическим и техническим условиям – маркировать центр села, быть повсеместно обозримым, достигать достаточных для ведения строительных работ и складирования материалов размеров...

Этим критериям соответствовала территория напротив памятника генерал-губернатору Г.Х. Гасфорту (в районе нынешней ул. Ленина, тогда ул. Кабацкой). Однако встала вечная проблема застройки городского пространства – снос уже существующих построек с выплатой материальной компенсации их хозяевам. Сумма определялась в 100 руб. серебром.

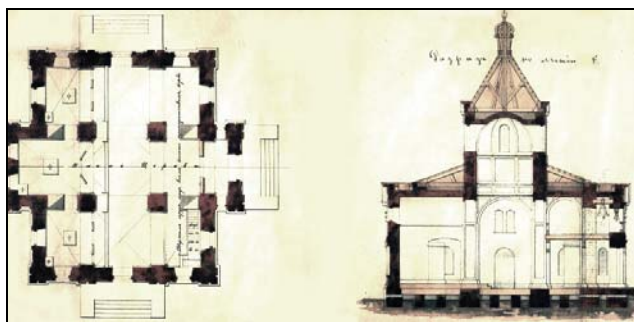
Пришлось искать другие варианты. В конце концов, к **январю 1872 г.** остановились на площадке в центре села, где *«требовался к сносу один только небольшой дом, без прислуги...»*. На это послание священника А. Тверитина П.А. Попов тут же дал положительное заключение: *«Имею честь почтительнейше дать свой отзыв в следующем: место, избранное комитетом под постройку в селении Обдорском, одно из самых удобных и пристойных для постройки... Потому с мнением Обдорского комитета относительно избранной оным местности я вполне обязан согласиться, имея в виду то важное значение, какое храм, построенный на этом месте, должен иметь в среде инородческого народнонаселения»*.

А

Б

В

Проект церкви, предполагаемой постройкой в с. Обдорском.
Российский государственный исторический архив

Параллельно шла разработка проектно-сметной документации. Занимался этим Зелислав Егорович Полонский – молодой поляк, занявший должность архитектора Тобольской строительной комиссии в 1873 г. Ему активно помогал уже не раз упоминавшийся здесь П.А. Попов. Первое рассмотрение подготовленных ими проекта и трёх смет Тобольской строительной комиссией состоялось **31 декабря 1874 г.** – только через 5 лет после принятия обращения А. Тверитина. А затем ещё 4 года ушло на доработку и исправления – в результате утверждены сии документы Тобольской духовной консисторией были только **30 октября 1878 г.**

И снова остановка – одной проектно-сметной документации и строительного комитета в роли заказчика мало; нужны финансы, подрядчик и строители. А ничего этого не было.

Не совсем понятно, что стало с книгой для регистрации пожертвований, полученной А. Тверитиным в 1869 г., но в **сентябре 1882 г.** начался новый сбор средств. На сходе жители Обдорска приняли текст послания к епископу Тобольскому и Сибирскому Василию (Левитову), в котором просили разрешения и благословения на постройку храма (*«Мы, нижеподписавшиеся жители с. Обдорского, прихожане имеемой вновь возводиться церкви во имя святых апостолов Петра и Павла ... единогласно постановили: просить преосвященнейшего епископа Василия благословить и разрешить постройку церкви»*) и называли доверенным лицом для ведения дел своего бывшего духовника П.А. Попова (*«выдать доверенному нашему протоиерею о. Петру Попову, которому доверяем и подать от нас прошение с настоящим приговором и планом»*).

Ответом епархиальных властей стало назначение Петра Александровича сборщиком пожертвований на постройку храма. Тот пустил шапку по кругу – начал обращаться с «Пригласительным листом» к жителям Тобольска, Берёзова, Обдорска. Люди отвечали по мере своей душевной и физической щедрости: врач и судья – по 1 руб., берёзовский отставной урядник – 25 руб., *«берёзовская купеческая вдова Мария Ильина Чечурова»* – 1000 руб... За три года на особом счету в консистории удалось собрать 6074 руб.

Видимо, основные вложения от крупных жертвователей шли помимо «Пригласительных листов» напрямую на банковский счёт или во временный комитет, иначе откуда набралась бы итоговая сумма в

100000 руб., приведённая И.С. Шемановским? Огромные по тем временам деньги! К примеру, рабочая лошадь тогда стоила ок. 70 руб., а хорошая дойная корова – ок. 60 руб., чернорабочий получал 8–15 руб. в месяц. Жертвовали на богоугодное дело многие, в истории же сохранились лишь несколько имён наиболее значительных благотворителей из числа торговцев: почётные граждане г. Тобольска Михаил Данилович Плотников, Пётр Александрович Плеханов, Иван Николаевич Корнилов (Корнильев); обдорский купец Фёдор Николаевич Карпов...

Помимо «спонсорских средств», бюджет строительства составили и церковные сборы в Обдорске. Они аккумулировались на счёте ещё деревянной старой Петропавловской церкви. Ведь до начала работ и в процессе строительства никто и думать не мог, что две церкви будут иметь двух хозяев и две паствы. Преемственность между храмами казалась абсолютной. Поэтому отец Иринарх, которому при дележе досталась старая церковь, с таким недовольством и ревностью писал о передаче собранных на её счету финансовых средств на строительство нового храма. Он сетовал, что старая церковь стала *«ветхой и бедной... не имевшей почти никаких средств»*, и раздражённо пенял односельчанам: *«Обдоряне, справедливо гордясь этим храмом... слишком склонны к преувеличению своего участия в деле сооружения этого храма... Этот храм выстроен, главным образом, на образовавшиеся при деревянной миссионерской церкви капиталы, от денежных и других приношений инородцев в церковь, на средства, собранные в разных местах членами Обдорской миссии, на пожертвованные 10000 руб. купцом Трапезниковым "на предмет постройки миссионерской церкви в Обдорске", на 30000 руб., пожертвованных известным сибирским деятелем А.М. Сибиряковым, на ушедшие преимущественно на украшение храма пожертвования обдорского купца Ф.Н. Карпова и ещё очень и очень немногих обдорян; на долю же подавляющего большинства обдорского общества в деле постройки обдорского храма выпали лишь одни разговоры и болтовня, часто тормозившая ход построек и доставлявшая немало неприятностей заведовавшему постройками купцу И.Н. Корнильеву, без наличности участия которого в постройках Обдорску никогда бы не видеть не только каменного хра-*

ма, но и каменных домов в селе». Прямо по русской пословице: «Охал дядя, на чужие деньги глядя».

Справедливости ради надо отметить, что жители Обдорска, получив новый храм, поступили по-христиански благодарно и часть пожертвований из «Николиной кружки» передали на ремонт миссионерской деревянной Богородицкой церкви.

Параллельно с формированием бюджета шла работа по обеспечению стройматериалами и специалистами. Обдорский предприниматель Трофимов объявил о готовности изготовить и поставить кирпич по 12 руб. за тысячу штук, берёзовский крестьянин Никитин – по 15 руб. Вопрос с мастерами тоже оказался из числа решаемых на месте. В Обдорске и Мужах к этой поре появились зыряне-ижемцы из Архангельской губернии, имевшие опыт строительства кирпичных храмовых зданий.

Все попытки Тобольской духовной консистории провести конкурс на возведение обдорского храма провалились – желающих организовывать строительство на широте Полярного круга не находилось. И в **1883 г.** накопленные средства были переведены на счёт «Комитета по постройке каменной церкви в с. Обдорском», который и подрядил на строительные работы одного из главных филантропов – тобольского купца-первогильдейца, главу торговой фирмы и известного мецената Ивана Николаевича Корнилова. Согласно контракту от **17 ноября 1883 г.**, тот обязывался за 50000 руб. в течение 5 лет построить в Обдорске *«из своих хороших материалов и своими рабочими людьми каменную одноэтажную церковь с таковой же колокольной»*. Судя по отзывам современников, мотивация Ивана Николаевича была благородной, а помыслы чистыми – сотворить храм. Но, видимо, переоценил свои возможности купец, не учёл, что строить каменное здание в условиях вечной мерзлоты – это не мороженой рыбой торговать. Или понимал это, но оказался заложником ситуации. В 1882 г. автор проекта 35-летний архитектор З. Полонский умер, а достойной замены, видимо, не нашлось. Как бы там ни было, но три года из пяти, отведённых на строительство, подрядчик не начинал стройку, а в **1886 г.** приступил к ней на свой страх и риск без достойного архитектора, инженера-технолога, специалистов-строителей... *«Комитет же не имел возможности нанять человека, хоть на сколько-нибудь имеющего понятие в каменной по-*

стройке по неимению таковых во всём Берёзовском округе, а члены Комитета, по отзыву их самих, не только не имели понятия в производимой постройке, но даже не могли, видно, определить качество кирпича и извести, употребляемых в деле, а также не могли с точностью определить правильность закладки церкви и производительности работ». За год удалось установить фундамент, часть стен основного объёма, стены колокольни. И – всё. Стройка встала.

**Готлиб (Богдан Богданович) Цинке –
строитель Петропавловского собора в Обдорске**

Готлиб Цинке родился г. Мансфельд (сейчас это земля Саксония-Анхальт, Германия) примерно в 1832 г. Неизвестно по какой причине в нач. 1860-х гг. он вдруг переехал в Россию и начал обучение в Академии художеств в г. Санкт-Петербурге. Видимо, за годы учёбы уже немолодой, имевший жизненный опыт и обременённый семьёй саксонцев (в 1862 г. у него в российской столице родилась дочь Александра) пришёл к выводу, что в России он найдёт более выгодное для себя применение своих сил и способностей. Иначе зачем бы он 5 апреля 1866 г. – за 11 месяцев до окончания академии – принял российское подданство? Уже 4 сентября того же года на общем собрании академии Цинке был утверждён в звании свободного художника, а 17 мая 1867 г. получил аттестат «за хорошие познания его в архитектуре и строительном искусстве» и право «производить строения».

К вопросу о пресловутом обороте «свободный художник», – полученном выпускником академии Цинке и популярном в богемной среде доньяне. Историк И.В. Балюнов – биограф будущего архитектора самого знаменитого салехардского храма – объясняет его так: «Реально есть основания говорить, что Б. Цинке находился в ряду не самых успешных учеников. Звание свободного или некласного художника получали воспитанники, удостоенные за [выпускные] работы серебряной медали 2-й степени, что не давало права на классный чин при поступлении на государственную службу. Более радужные перспективы открывались для выпускников, удостоенных золотой медали всех степеней и серебряной 1-й степени. Б. Цинке же находился, что называется, вне Табели о рангах».

Нет достаточно достоверных и подробных данных о жизни «свободного художника» и «молодого специалиста» в Санкт-Петербурге. Вроде бы, строил или перестраивал он двухэтажный особняк с угловым эркером для графа К.Л. Шуленбурга и его наследников, может быть, брался за какие-то более мелкие работы... Но, скорее всего, получить приличные заказы и вообще творчески состояться в столичном городе, который не испытывал недостатка в квалифицированных архитекторах, шансов у не имевшего никакого чина Цинке было очень немного. И прагматично-деятельная немецкая натура погнала его ещё дальше на восток от его родной Саксонии. Лучше синица в руках, чем журавль в небе!

Как утверждает другой его биограф, Л.В. Еремеева, уже в 1873 г. он оказался за Уралом, в Тобольской губернии. Там, в Тюмени, примерно в 1875–1885 гг. под его руководством или по его проектам были возведены: здание реального училища, Симеоновская домовая церковь Владимирского сиропитательно-ремесленного заведения, постройки для обслуживания прокладываемой в это десятилетие Екатеринбург – Тюменской железнодорожной ветки. Тогда же Цинке впервые обратился к церковной архитектуре: по проектам архитектора-лютеранина построили паперть православной Спасской церкви в Тюмени и мусульманскую мечеть-медресе в с. Ембаево на юге нынешней Тюменской обл. (1887 г.).

Возможно, именно последние проекты подвели архитектора к такой поздней «специализации» и пониманию своего признания. А может быть, причина крылась в ином – в банальном осознании своего возраста и невозможности вечно быть «свободным художником»? Как бы там ни было, но только 9 ноября 1890 г. он получает первое постоянное место работы – должность тобольского епархиального архитектора. Почти в 60-летнем возрасте и через двадцать с лишним лет после получения академического аттестата! В таком возрасте многие уже уходят на заслуженный покой и усаживаются за мемуары, а Г. Цинке только-только «официально трудоустроился» и приступил к своим хлопотным обязанностям. Однако за последующие годы он успел сделать так много и так профессионально, что навсегда вписал своё имя в локальную историю Севера Западной Сибири.

Полного реестра возведённых Г. Цинке построек нет (или пока нет), но, как указывает Л.В. Еремеева, только за четыре года (до 1894 г.) энергичный епархиальный архитектор в Тобольской губернии *«построил 16 каменных церквей и 29 деревянных церквей, при этом из них 21 деревянная и 2 каменные мечети, в мавританском стиле»*. И.В. Балюнов дополняет эту статистику своим перечнем (правда, некоторые из перечисленных ниже построек приписывает Г. Цинке предположительно):

- Никольская церковь в г. Ишиме (строительство в 1886–1891 гг.);
- Покровская церковь в с. Каменке (переустройство в 1890-е гг.);
- Ильинская церковь в г. Тюмени (переустройство в 1893 г.);
- Троицкая церковь в с. Староалександровке (возведена по проекту архитектора в 1897 г.);
- Владимирская церковь в с. Петелино (возведена по проекту архитектора в 1890-х гг.);
- церковь Михаила Архангела в с. Сорокино (возведена по проекту архитектора в 1902 г.);
- Ильинская церковь в с. Богандинском (возведена по проекту архитектора в 1903 г.);
- Троицкая церковь в с. Южно-Плетнево (возведена по проекту архитектора в 1904 г.);
- Троицкая церковь в с. Юргинском (возведена по проекту архитектора в 1904 г.); и др.

Конечно же, огромное внимание епархиального архитектора было приковано к храмовым и монастырским постройкам Тобольска и его окрестностей. Так, для Знаменского монастыря он спроектировал Преображенский собор, который поставили на месте разобранного в 1897 г. каменного храма кон. XVII в. В 1893 г. в монастыре в с. Ивановском по проекту Цинке была построена церковь-усыпальница, через десятилетие посвящённая памяти Серафима Саровского. В Троицкой церкви с его участием в 1891–1900 гг. был возведён Келейный корпус, а в 1900 г. – Святые трёхчастные ворота. В 1901–1904 гг. по проекту Г. Цинке в знаменитой Абалакской мужской обители была построена «гостиница за монастырской оградой». В его же обязанности входил контроль за техническим со-

стоянием большого числа уже действующих церковных и монастырских строений, что тоже требовало немалых сил и времени.

Все биографы Г. Цинке особо останавливаются на его работах по сооружению Петропавловского собора в Обдорске, которые воистину стали вершиной его творческой и профессиональной биографии в Тобольской губернии. Приступая к строительству, он писал своему брату в Германию: «...Я должен... за три года закончить строительство. И чтобы в этой отапливаемой церкви даже при морозе в 50 градусов, температура достигала плюс 16-и. Так мне сказал тобольский губернатор во время ревизионной поездки...».

А после завершения строительства, в 1893 г. он же сообщал: *«Три года подряд каждое лето я ездил в северное поселение Обдорск и строил там, на вечной мерзлоте, русскую церковь. Дорога туда по воде – около 3 тысяч вёрст. Из них 700 вёрст – на пароходе и дальше 2300 вёрст (около 3300 миль) – только лодкой. Поездки затрудняют климатические условия. На всём пути только один город, напоминающий деревню, – Берёзово, первобытное рыбацкое поселение, и только дикие остяцкие стойбища».*

Незнаемо ныне, принесла ли бешеная производительность материальные блага Г. Цинке, но чинов он точно не заслужил. По Табели о рангах, введённой ещё Петром Великим и отменённой только Владимиром Лениным, три века чиновный мир России ранжировался на 14 классов (разрядов), только счёт там, в отличие от нынешних слесарей и электриков, шёл в обратном порядке: низшим был 14-й, а высшим – 1-й. И каждому разряду соответствовал определённый набор должностей в армии, штатской службе и придворной иерархии. Так вот: должность тобольского епархиального архитектора соответствовала 9-му классу Табели (например, в гвардии это была должность капитана). А Цинке, как мы помним, ни по окончании академии, ни за последующие десятилетия жизни «вольным художником» так и не получил вообще никакого чина. Поэтому в 1893 г. епископ Тобольский и Сибирский «за беспорочную службу и выслугу лет» подчинённого ему архитектора подал представление того к чину 14-го класса – самого низшего. А Департамент герольдии Правительствующего Сената 31 мая 1895 г. отказал!

Не нажил он, похоже, и состояния, хотя прижимистая немецкая натура (опубликованы документы о незатейливых махинациях Г. Цинке с прогонными и порционными – нынешними транспортными и командировочными – расходами во время разъездов по губернии) и многочисленные работы, казалось бы, способствовали тому. У него даже не было собственного жилища, жил в съёмном. По документам Первой всеобщей переписи 1897 г., семья Г. Цинке проживала в Тобольске по ул. Рождественской (ныне Декабристов), в доме Поступинской, квартире № 3.

На его иждивении находились три человека. Во-первых – жена Елизавета-Екатерина Васильевна Цинке, родившаяся около 1823 г. в г. Риге Лифляндской губернии и закончившая Рижское женское училище. Она, как и сам Готтлиб Цинке, имела дворянское происхождение. Во-вторых – дочь Александра Богдановна Бехтен. С ней не всё ясно. Указано, что она, как и мать, закончила Рижское женское училище, но как она могла это сделать, если родилась уже в Петербурге, а позже её отец не проживал в Риге? И почему она записана мещанкой, если мать и отец потомственные дворяне? Не совсем понятно также её приписка к г. Екатеринбург Пермской губернии, а не к тобольскому

адресу – месту фактического проживания. Впрочем, на последний вопрос может, наверное, ответить строчка из письма Готлиба брату о своём зяте: «...Гадкий пьяница, от него нет никакой помощи, он погряз в нескончаемом пьянстве, от этого мало радости, ещё меньше чести». Видимо, до распада своей семьи она проживала в Екатеринбурге, а потом перебралась к родителям в Тобольск. К этому же подводит и информация о третьем члене семьи Цинке – 9-летней Лидии Александровне Бехтен, рождённой в Екатеринбурге и к этому же городу и приписанной.

Четвёртым человеком, проживавшим в квартире, была кухарка. На её содержание денег у архитектора, видимо, всё же хватало.

Немецкие корни за три с лишним десятилетия жизни в России не высохли: все члены семьи указали родным языком немецкий, а вероисповеданием – лютеранство. Хотя жизнь в России тоже сказалась: судя по сохранившимся текстам Цинке, русским канцелярским языком он овладел отменно, а в частной переписке он признавался, что по-немецки писать ему всё труднее.

Подробности последнего периода жизни Г. Цинке и его семьи остаются неизвестными. В кон. XIX – нач. XX в. они ещё находились в Сибири, а примерно в 1918 г. вернулись в Германию – в Берлин. Там автор и строитель многих сибирских храмов вскоре и умер.

По: **Балюнов И.В.** Сибирский архитектор Богдан Богданович Цинке // Баландинские чтения. – Новосибирск: Новос. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2016. – Т. 11. – С. 211–214; **Еремеева Л.В.** Готлиб Цинке // Ямал православный. – Салехард, 2012. – № 1 (С. 7), 2 (С. 9); **Еремеева Л.В.** Красивая церковь от Готлиба // Полярный круг. – Салехард, 2018. – 24 июля.

Сколько специалистов пробовали свои знания и опыт на этой стройке теперь уж и неведомо. Епархиальный архитектор Г. Цинке не без похвальбы и самодовольства писал своему брату в Германию: *«Пятнадцать лет назад семь русских архитекторов строили эту церковь и, наконец, заявили о невозможности строительства каменной церкви. Теперь я должен снести каменный фундамент и за три года закончить строительство»*. Писано это было в 1889 г., действительно, через 15 лет после рассмотрения Тобольской строительной комиссией проектно-сметной документации З.Е. Полонского и П.А. Попова. А поводом для письма стал договор Г. Цинке с И.Н. Корниловым от **16 июня 1889 г.**, согласно которому архитектор *«принял на себя обязанности производителя работ при постройке церкви согласно утверждённому проекту и смете»*. Уже 7 июля того же года предприимчивый исполнитель высадился в Обдорске, где до своего отъезда 9 сентября успел освидетельствовать выполненные до него работы, внести в постройку существенные исправления (из-

менить глубину фундамента, провести вычинку кирпича в стенах, определиться с разобранный колокольней), обнаружить ошибки в проекте и организовать дальнейшее строительство. Двадцатилетний период долгостроя от обсуждения в Тобольской духовной консистории прошения священника А. Тверитина о постройке в с. Обдорском каменного храма до заключения договора с архитектором Г. Цинке закончился. Началось реальное строительство.

Через год, 17 июня 1890 г., скончался ещё один из деятельных организаторов строительства – И.Н. Корнилов. Поэтому все лавры творца первого каменного здания на Ямале достались одному Г. Цинке.

И достались, надо признать, заслуженно. Он «вытянул» этот объект и как архитектор, и как производитель работ, и как инженер по технадзору. Проект храма в архивах не обнаружен. Архитектор Е.М. Козлова-Афанасьева предполагает, что оригинального проекта и не было. *«Облик храма, – пишет она, – свидетельствует о том, что при возведении здания был использован один из «образцовых» (типовых) проектов, рекомендованных к применению на местах. Известно, что в рассматриваемый период имели хождение альбомы К.Тона, дополненные проектами 1857 г. В.И. Моргана, А.И. Шевцова, К.Е. Лазарева, Р.И. Кузьмина, С. Яковлева, Э.И. Жиберы, Н.В. Демут-Малиновского и других, а также «Собрание проектов, утверждённых Министерством внутренних дел, на постройку православных церквей в Белорусских губерниях» (изданы в 1863 г.). Последний альбом, включивший 40 деревянных и 18 каменных храмов, был разослан по всем епархиям и губернским строительным комиссиям».* Работа по типовым проектам имела два немаловажных для бедных и удалённых приходов преимущества: во-первых, они были ориентированы на недорогие постройки; во-вторых, не требовали индивидуального согласования в Синоде, поскольку уже были одобрены этим высшим органом церковной жизни Российской империи при издании. Известно, что Г. Цинке активно использовал «образцовые» проекты, и, скорее всего, обдорский Петропавловский храм стоит в этом же ряду. Заслужой архитектора была привязка типового проекта к конкретным условиям Обдорска и, конечно же, его техническое сопровождение. Для этого дисциплинированный, работоспособный и обязательный немец в зимний период года занимался *«заготовлением железных связей,*

кирпича, извести, сильных и прочных материалов с распоряжением о благовременном доставлении таковых на место постройки», а каждое лето выезжал из Тобольска в Обдорск и на месте руководил строительством.

Не зря говорится, что русские долго запрягают, но быстро едут (правда, в данном конкретном случае «кучером» оказался немец). Целых 20 лет шла подготовка к реальному строительству Петропавловского храма, и только 4 года потребовалось на его возведение. Уже в **1893 г.** стройка была завершена. *«На открытии собора святых апостолов Петра и Павла с приделами по бокам во имя светлейшего Василия Великого и Николая Чудотворца присутствовали все почётные жители Обдорска и Тобольска. Площадь перед церковью была переполнена празднично одетым народом. Посетил вновь выстроенную церковь Господин Начальник Губернии Его Превосходительство Николай Модестович Богданович в сопровождении Губернского прокурора и инспектора Тобольской врачебной управы».*

Храм во имя первоверховных апостолов Петра и Павла в Обдорске. 1909 г.
Фото: А.И. Галкин. Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск)

Постройка действительно получилась на славу. Вот как её описал сам Г. Цинке: «Красивая русская церковь... Стены церкви – толщиной $5\frac{1}{2}$ футов¹, колокольня высотой 170 футов². Расстояние внутри колокольного свода от пола до вершины купола – 49 футов³. Стены алтаря со священными иконами, как это бывает в русских церквях, украшены резными изделиями и другими украшениями полностью позолоченные золотом 96 пробы, то есть совершенно чистым золотом. Собор опоясывала ограда, сложенная из камня в виде арок, высотой в два человеческих роста. Внутри ограды у южной стены церкви располагалось небольшое кладбище, где хоронили наиболее уважаемых и влиятельных обдорян».

Храм во имя первоверховных апостолов Петра и Павла в Обдорске. 1909 г.
Фото: А.И. Галкин. Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск)

¹ 1,68 м

² 51,82 м

³ 14,94 м

Е.М. Козлова-Афанасьева дала такое архитектурное описание постройки: *«Церковь сложена из кирпича, оштукатурена. План здания представляет прямоугольную схему с двухчастным основным членением структуры: собственно храм и притвор. Ядром церкви является четырёхстолпный четверик храма с двумя придельными равновеликими компартиментами, завершённый шатровым световым восьмериком, который опирается на внутренние опоры и подпружные арки. С востока к храму примыкают три гранёные апсиды (две боковые пониженные – придельные). С запада композицию завершает стройная ярусная шатровая колокольня «восьмерик на четверике». Объёмы главной западной паперти и двух боковых (южной и северной) дополняют пространственную композицию здания.*

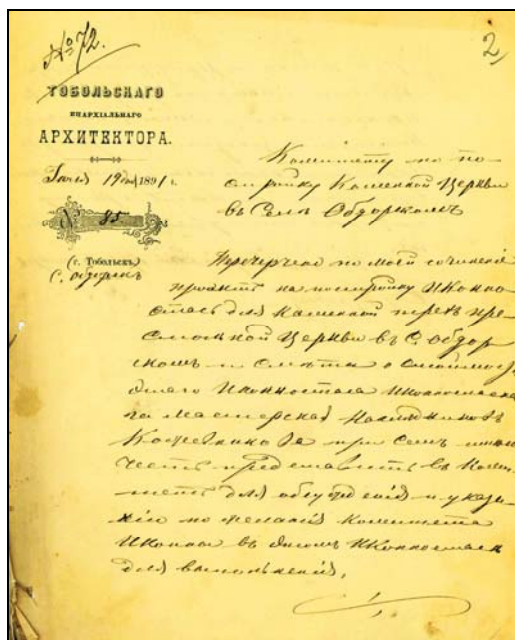

Храм во имя первоверховных апостолов Петра и Павла в Обдорске. 1909 г.
Фото: А.И. Галкин. Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск)

Архитектура церкви основана на элементах русско-византийского стиля, популярного в культовом зодчестве втор. пол. XIX в., отличается выразительным силуэтом, созданным сложными заострёнными крутыми формами покрытий приделов и притвора с папертью, шипцовыми венцами завершений восьмигранных воз-

вышних объёмов. В членении фасадов определяющую роль играет мотив арочного окна – одиночного и спаренного, открытого и ложного, обрамлённого декоративным рифлёным архивольтом-наличником. Пластику стен обогащают фигурные ниши, круглые медальоны. Особенно насыщена композиция западного фасада с центральным порталом, где использованы ниши различной величины, спаренные удлинённые окна, колонки, архивольты и др. детали. Со стороны южного и северного приделов центральная часть с входным тамбуром под двускатной крышей фланкирована прямоугольными окнами с рифлёными наличниками... Внутри церкви доминирует высокое устремленное к куполу, хорошо освещенное пространство храма».

Сопроводительное письмо Тобольского епархиального архитектора Г. Цинке от 19 июля 1891 г. на его личном бланке в Комитет по постройке каменной церкви в с. Обдорском о проекте и смете на иконостас.

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 698. Оп. 1. Д. 6. Л. 2

Сопроводительное письмо доверенного лица Иконостасной мастерской «П.О. Кожевникова наследники» И.П. Кожевникова от 1892 г. на бланке мастерской в Комитет по постройке каменной церкви в с. Обдорском об отправлении среднего резного иконостаса с 20 иконами и трёх рабочих для монтажа в Петропавловском соборе *ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 698. Оп. 1. Д. 6. Л. 52*

Храм во имя первоверховных апостолов Петра и Павла в Обдорске. Иконостас.
1911 г. Фото: И.Н. Шухов. *Государственный архив Омской области*

Кондиции

***на устройство трёх иконостасов во вновь построенной каменной церкви
в селе Обдорском Берёзовского округа Тобольской губернии***

1891 года октября 25 дня по доверенности Комитета по постройке каменной церкви в селе Обдорском Берёзовского округа Тобольской губернии от 8 сентября сего 1891 года, согласно резолюции Его Преосвященства Епископа Тобольского и Сибирского от 3 сего октября за № 2838 и по указу Тобольской Духовной Консistorии от 15 сего же ок-

тября за № 6861 Тобольский Епархиальный Архитектор Богдан Цинке составил следующие кондиции.

1. Подрядчик обязуется устроить три иконостаса в главном и двух придельных в рамах из сухого кедрового леса, три из такого же леса престола и три жертвенника, сделать иконостасы чисто, прочно и крепко, утвердив и прикрепив их где нужно железными крючьями и закрепами.

2. Иконостасы должны быть: средний трёхставный и боковые (придельные) двухставные и на верху каждого иконостаса посредине должно быть поставлено по животворящему кресту.

3. Иконостасы должны быть украшены пилястрами и колоннами...

...5. Иконостасы сверх тумб с пилястрами, колоннами, карнизами, резьбою, крестами и всеми потребностями должны быть сплошь позолочены с отполировкой на полимент 11 золотом 96 пробы.

...7. Царские двери должны быть резные из хорошего и сухого липового дерева, вызолочены с отполировкой на полимент тем же золотом, что и иконостас...

...9. Иконы во всех трёх иконостасах, царских, дяческих и пономарских дверях должны быть лучшей живописи в Византийском стиле, чеканной работы по золотому фону, по мере, назначенной в утверждённом чертеже и согласно образца, который будет представлен и одобрен Его Преосвященством.

10. Иконы должны быть написаны на самых сухих липовых досках с поперечными шпонками с задней стороны, по 3 и 4 шпонки на каждой доске, смотря по величине икон, указанной в утверждённом чертеже, и доски должны быть после просушки, первым делом прежде написания на них икон, пропитаны горячим маслом.

11. Кроме иконостасных икон подрядчик должен приготовить на липовых сухих досках на стену среднего алтаря против царских врат... иконы Спасителя, Божией Матери и Иоанна Предтечи на чеканном позолоченном фоне с позолоченными рамами и резьбою; на клиросе северного придела Распятие с предстоящими, Божией Матерью и Иоанном Богословом... 12 аналойных икон двенадцатых праздников... а также сделать две хоругви и написать на листовом железе с выпуклыми вперёд срединами иконы с позолоченными рамками под арку ворот... Святых Апостолов Петра и Павла и под арки калиток рядом с воротами, в южную калитку Св[ятого] Василия Великого, а в северную калитку Св[ятого] Николая Чудотворца... с фонарями пред иконами...

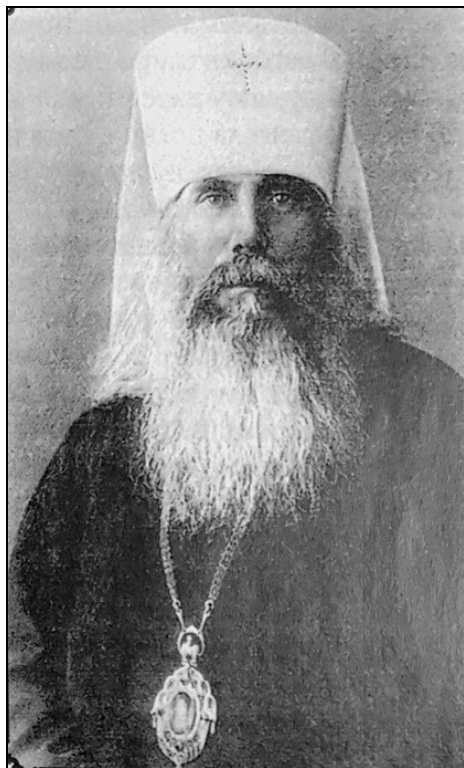
12. Устроить два гардероба (шкафы) для риз, один шкаф с полками для библиотеки и архива, две комоды для клироса и для продажи свеч, шкаф для хранения церковных материалов и свеч[ей], три аналогия для чтения Евангелия, круглый стол для благословения хлебов и служения панихид и три табуретки, всё должно быть сделано из хорошего сухого соснового дерева с чёрными полированными карнизами и резьбою и отполировку матовым восковым цветом.

...16. Срок подряда должен продолжаться со дня заключения контракта до точного выполнения всех работ не позже как до 20 августа 1892 г....

К моменту окончания строительства постройки уже год шла работа над иконостасом стоимостью 9000 руб., которую по контракту от 14 мая 1892 г. выполняли мастера екатеринбургской иконостасной мастерской «П.О. Кожевникова наследники».

Освящение нового трёхпрестольного каменного обдорского храма было приурочено к поездке на север архиепископа Тобольского и Сибирского Агафангела (Преображенского). Случилось это в присутствии большого числа прихожан в **сентябре 1894 г.**: 4-го – был освящён средний престол церкви во имя святых первоверховных

Митрополит Агафангел (Преображенский)

апостолов Петра и Павла, 5-го – придел во имя святого Василия Великого, 7-го – придел во имя святого Николая Мирликийского.

Как заведено при любом строительстве, после перерезания красной ленточки (в данном случае – освящения) присутствовал ещё долгий период «доработок недоделок». Работали, как и прежде, «гастербайтеры». Так, в 1895–1896 гг. для обогрева выстроенного на вечной мерзлоте храма печник из Берёзова временные печи менял на новые (пять голландских и одну русскую), его односельчанин-маляр красил оконные рамы и подоконники, приехавший аж из Ялutorовского уезда отделочник штукатурил и белил стены, доставленные из Тобольска монтажники устанавливали главки и кресты, а плотники рубили сторожку...

Храм во имя первоверховных апостолов Петра и Павла в Обдорске. Нач. XX в.

Из кн.: Ополовников А.В., Ополовникова Е.А. Древний Обдорск и заполярные города-легенды. – М.: Ополо, 1998. – С. 147

Храм во имя первоверховных апостолов Петра и Павла в Обдорске.
Нач. XX в.

Храм во имя первоверховных апостолов Петра и Павла в Обдорске.
Нач. XX в.

Известный исследователь Севера К.Д. Носилов, посетивший Обдорск в кон. XIX в., своё мнение о местных жителях составил уже по облику Петропавловского храма: *«Два храма, один деревянный и другой, только что отстроенный, каменный, полуготической архитектуры, придают этому селу красивый вид. Обыкновенный сельский храм этот богато украшен иконами, между которыми видны дорогие серебряные ризы, украшения, свидетельствующие о религиозности жителей».*

Это оценка городского жителя. При виде 52-метровой громады со стенами полутораметровой толщины наверняка куда как более изумлённой была реакция приезжавших из плоской тундры ненцев, где трёхметровый чум был доминирующей высотой на многие километры кругом. Да и селяне, привыкшие к равнинному характеру Обской долины и скромным деревянным одноэтажным постройкам, не могли не испытывать чувств удивления и восторга от невиданного доселе строения. Посему представляются вполне заслуженными эпитеты, которые Г. Цинке дал своему детищу – *«красивая русская церковь»* и *«великолепное строение особенного вида»*. Даже ревниво относившийся к храму-конкуренту отец Иринарх в своих публикациях неоднократно называл его не иначе как *«лучшим украшением Обдорска»*.

«В настоящее время в селе Обдорском насчитывается до 200 домов и 2000 жителей обоего пола. В селе есть две церкви, церковноприходская школа, двухклассное сельское училище и метеорологическая станция второго разряда...

...Для просвещения инородцев существует Обдорское миссионерское братство во имя святителя Гурия казанского. Членами братства состоят почти все обдоряне... Кроме того, при миссии есть инородческий пансион для детей остяков и самоедов...

Отличить же крещеного остяка от некрещёного трудно: в чуме находятся и шайтан, и православная икона, а на шее остяка висит крест, далеко буквально не значащий, что он христианин».

Из дневника И.Н. Шухова 1911 г. Цит. По: **Мазурин А.** Первое путешествие в Обдорский край омского краеведа Иннокентия Шухова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mvk-yamal.ru/zemlya-yamal/i-issledovatel-i-yamala/i-n-shuhov/>

Так на обдорской земле появился не только первый каменный храм, но и центр духовной жизни, обитель добродетели, школа нравственности, врачеватель духа. Все важнейшие события в жизни об-

дорянина — крещение, венчание, отпевание — происходили в этих стенах. Ни одно значимое событие в селе не могло миновать храма. В 1904 г. здесь провёл службу епископ Тобольский и Сибирский Антоний (Каржавин), в 1910 г. *«отслужил литургию и сделал поучение»* епископ Тобольский и Сибирский Евсей (Гроздов). Были события трагичные: в 1914 г. здесь объявили о начале Первой мировой войны. Были события позорные: в 1910 г. притч получил письменное указание о запрете панихиды по Л.Н. Толстому и безропотно выполнил его. Были события курьёзные: в 1909 г. ханты, напуганные предстоящим в ночь с 5 на 6 мая столкновением Земли с кометой Галлея, молились здесь об избавлении от катастрофы (потом, правда, по словам Шемановского, они всё равно *«во множестве своём понакупили себе водки, чтобы в это время напиться; результатом сего был недостаток в вине в течение полутора месяцев»*).

Храм во имя первоверховных апостолов Петра и Павла в Обдорске. 1911 г.
Фото: И.Н. Шухов. *Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН*

Всем храм давал духовную опору и нравственное очищение, всем помогал. Но пришли времена великих потрясений, когда помощь потребовалась самому храму.

Уничтожение Петропавловского собора протекало в русле общего процесса гонений на церковь в СССР в целом и на территории нынешнего ЯНАО в частности. Первые полтора десятилетия после установления соввласти на Севере Западной Сибири были заполнены разграблением церковного имущества, репрессиями против священнослужителей, административным и идеологическим давлением на верующих.

Начало этому процессу положил «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятый Советом народных комиссаров 2 февраля 1918 г. Среди множества пунктов для нашей истории важны те, которые *«все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ»* объявляли народным достоянием, а сами общества лишали прав юридического лица. Отныне *«зданиями и предметами, предназначенными специально для богослужебных целей»*, распоряжались органы государственной власти: они могли дать их в бесплатное пользование соответствующих религиозных обществ, а могли и не дать.

Храм во имя первоверховных апостолов Петра и Павла в Обдорске. 1926 г.
Фото: В.П. Евладов. Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс
им. И.С. Шемановского

Реализация новых имущественных отношений не заставила себя долго ждать. Сильный удар по организационной и материальной основе существования Русской православной церкви атеистической новой властью был нанесён в 1921–1922 гг., когда, воспользовавшись массовым голодом в Поволжье (и не только в нём), органы исполнительной власти на местах начали принудительное изъятие церковного имущества, прежде всего – ценного. Одновременно власти раскалывали организационное единство русской православной церкви. В секретной шифрограмме, которая была отправлена 3 апреля 1922 г. из Тюменского губернского исполкома в уездные исполкомы и комитеты РКП(б) (в том числе и в Берёзовский, к которому относился Обдорск), приказывалось под гуманными призывами помощи голодающим одновременно провести и изъятие церковных ценностей, и скрытую агитационную кампанию по расколу церковного единства. Этой кампании предписывалось *«придать характер чуждый борьбы с религией и церковью, а целиком направленный на помощь голодающим, одновременно внести раскол в духовенство, взяв под защиту государственной власти тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия... При агитации руководствуйтесь статьями, сообщениями центральных и местных газет, кроме статей, направленных против попов и религии вообще, что в настоящее время недопустимо, сплочая духовенство в одно целое, в данный момент политическая задача расколоть попов, углубить существующий раскол»*.

Обдорск не мог быть исключением. По опубликованным данным, 5 мая 1922 г. комиссией по изъятию ценностей из двух храмов было вывезено 11 пудов 5 фунтов¹ драгоценных металлов (в предметах, разумеется). Всё это прошло без эксцессов – привыкшие стоически переносить невзгоды северяне несуетливо продолжали придерживаться устоявшихся воззрений. Они были тверды: в большинстве своём отвергли притязания подкоммунистической обновленческой церкви, в декабре 1923 г. отказались от перехода на новый календарь и продолжали вести счёт времени «по старому стилю», а в 1927 г. воспротивились *«прицепке проволоки громкоговорителя на колокольню к куполу Петропавловской церкви»*.

¹ 182,456 кг

Протокол собрания граждан с. Обдорска православного вероисповедания.

Протокол

общего собрания гражд. с. Обдорска православного вероисповедания,
состоявшееся 1923 г. Декабря 7

Под председательством: Веремецко Степана и секретаря [нрзб.].

Повестка дня

1. Подписания Тобольского епархиального церковного управления. О переводе старого стиля на проживание по новому стилю....

Слушали: Предписание Тобольского епархиального церковного управления за [№] 666 совместного отношения Берёзовского причта от 24 июля 1923 № 183 в переводе церковных [нрзб.] стиля на проживание по новому.

Постановили: решить постановление Всероссийского Палестинского собора к голосованию «за» и «против», что на голосовании показало на переведение церковных [нрзб.] старого режима на новый стиль. 9 человек.

Против большинство решили продолжить проживать по старому...

Председатель собрания:

Секретарь:

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 704. Оп. 1. Д. 165. Л. 42.

В соответствии с новыми законами в Обдорске для проведения служб в двух имевшихся церквях необходимо было сформировать две православные общины. Приход Петропавловского собора, состоявший из проживавших в селе русских, зырян и части хантыйского и ненецкого населения, провёл необходимые организационные мероприятия и самоорганизовался. А вот с созданием общины при церкви во имя иконы Богородицы «Всех скорбящих радость» возникли проблемы. Председатель церковного совета Никифор Николаевич Вануйто и секретарь Иван Фёдорович Ного должны были составить списки членов церковного общества, но как это сделать, если прихожане миссионерской церкви раскиданы по тундре и тайге на сотни километров друг от друга? В декабре 1924 г. инициаторы создания общины просили власти разрешить священнику Феодосию Шахову выехать в тундру для регистрации верующих. Видимо, разрешение было получено, и поездки состоялись, коли такие списки были составлены: в 1926 г. – на 215 чел., в 1927 г. – на 112 чел. Однако о деятельности этой общины, как и о функционировании Богородицкой церкви, практически ничего не известно.

Есть фотографии В.П. Евладова 1926 г., запечатлевшие, как неблагодарные потомки создателей обдорских храмов сбрасывают наземь колокола и сдают в утиль надмогильные доски с погребений тех, кто эти колокола покупал для своих земляков. Но к какому из двух храмов эти события относятся, неясно. Возможно, фотоаппарат запечатлел разграбление храма в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость». Но нельзя исключать, что колокола сдёргивают с ещё действующего храма во имя первоверховных апостолов Петра и Павла. Материальная ценность цветного металла во все времена была высокой. Однако большевиков немало заботила и другая мотивация – а ну как с колоколен понесётся набатная тревога?.. Революционеры ещё не забыли названия журнала своего предшественника Герцена, когда того разбудили декабристы.

Ломать – не строить: колокола с обдорского храма сброшены на землю. 1926 г.
Фото: В.П. Евладов. *Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс
им. И.С. Шемановского*

Примером такой тревоги могут стать особо выделенные пункты договора православной общины Обдорска с местным советом рабочих и крестьянских депутатов от 25 марта 1923 г. о получении здания Петропавловского храма и богослужебных предметов в бесплатное пользование. В обмен власти требовали не просто лояльности, а беспрекословного подчинения. И верующие обещали: *«Беречь переданное нам народное достояние и пользоваться им исключительно соответственно его назначению, принимая на себя всю ответственность за целостность и сохранность. Храмами и находящимися в них богослужебными предметами мы обязуемся пользоваться исключительно для удовлетворения религиозных потребностей. В принятых нами в заведовании богослужебных помещениях мы обязуемся не допускать:*

а) политических собраний враждебного Советской власти направления;

Остатки церковного величия, сданные обдорянами в пункт приёма металлолома (в том числе намогильная доска Тимофея Ильича из династии Карповых – купцов и служителей церкви, очень много сделавших для процветания Обдорска и Берёзовского края в целом). 1926 г. Фото: В.П. Евладов. Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского

б) раздачи или продажи книг, брошюр, листов и посланий, направленных против Советской власти или её представителей;

в) произнесение проповедей и речей, враждебных Советской власти или её отдельным представителям;

г) совершение набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения его против Советской власти, ввиду чего мы обязуемся подчиняться всем распоряжениям местного Совета рабочих и крестьянских депутатов относительно распорядка пользования колокольнями».

Лексика заключительных пунктов этого договора в духе времени выдержана в устрашающих формулировках: *«За неприятие всех зависящих от нас мер к выполнению обязанностей, вытекающих из сего договора, или же за прямое его нарушение, мы подвергнемся уголовной ответственности по всей строгости революционных законов, причём договор этот Советом рабочих и крестьянских депутатов может быть расторгнут».*

Такие договоры требовалось заключать ежегодно, что стало очень действенным механизмом для управления верующими. Например, в ноябре 1926 г. Обдорский райисполком постановил расторгнуть договор на пользование церковным зданием. Неизвестно уже, по каким причинам это решение не было доведено до конца, но нервов православным обдорянам оно потрепало изрядно.

В таких вот непростых условиях храм всё же продолжал исполнять своё призвание – быть духовной опорой для верующих. Даже после экспроприации 1922 г. в нём ещё имелись вся необходимая для богослужения утварь и одеяния. Всегда тщательно следившие за чужим добром большевистские власти в 1924 г. зафиксировали в храме, помимо богато украшенного одеяния, посуды и других предметов для церковных служб, 109 икон (99 в храме и 10 вне храма) и 7 колоколов – 5 больших (101, 36, 25, 14, 6 пудов¹) и 2 малых (по 1 пуду 20 фунтов²). Как и прежде, блестили купола, а над входом висела икона Николая Угодника. Молодёжи через эти двери проходило теперь, конечно, меньше, но среднее и старшее поколения ещё не отшатнулись от бога и посещали службы регулярно. Вёл их священник Феодосий Шахов. Привычно звонили колокола. Звонарь и

¹ 1654,38 кг; 589,68 кг; 409,50 кг; 229,32 кг; 98,28 кг.

² 24,57 кг

сторож в одном лице жил здесь же — в маленьком домике с правой стороны от храма.

***Заявление церковного старосты Обдорской Петропавловской церкви
Михаила Кожевина в Обдорский волисполком
с просьбой о разрешении крестного хода на реку Полуй
и служение молебна***

Обдорский волисполком
церковного старосты Петропавловской церкви
Кожевина Михаила Федоровича

заявление

Прошу волисполком разрешить крестный ход на реку Полуй сего 19-го января в 10 часов утра для исполнения религиозного обряда отслужить молебна освящения воды общества верующих.

1923 года январ[я] 18 дня

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 704. Оп. 1. Д. 166. Л. 2. *Рукопись. Подлинник.*

Однако этой многовековой гармонии подходил конец. Сигналом к намеренному уничтожению православных храмов на территории нынешних ЯНАО и ХМАО стало Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». Оно давало юридические основания к официальному закрытию церквей: если православная община не проходила перерегистрацию; если не выполняла условий договора по выполнению ремонта и страхованию здания церкви и имущества; если «добровольно» отказывалась от пользования зданием церкви и самораспускалась.

***Заявление Обдорского церковного приходского совета
в Обдорский волисполком с просьбой о разрешении
колокольного звона на страстной неделе***

В Обдорский волисполком
правление Обдорского церковно-приходского совета

По православно-христианскому обряду на страстной неделе и заутреня Светлого Христова воскресения проходит Божественная служба во внеурочное время с колокольным звоном, а именно: в четверг — 5 апреля в 7 часов до 11 часов ночи, в пятницу —

6 января в 2 часа дня и на 7 апреля в 2 часа ночи Пасхальная заутреня, а затем Пасхальный целодневный звон в продолжении Святой Пасхальной недели в обеих церквях, сообщая, о чём прошу разрешения на колокольный звон.

Апреля 5 дня 1923 года

Председатель правления С. Веремецко

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 704. Оп. 1. Д. 166. Л. 3.

Реакцию местных органов власти на общесоюзное постановление предугадать нетрудно – чем мельче чиновник, тем активнее он демонстрирует верность «генеральной линии». В Обдорск тут же пришла директива, в которой после констатации, что религиозные организации являются *«единственной действующей легально контрреволюционной силой, имеющей влияние на массы»* объявлялась регистрация *«всех фанатичных существующих на территории района религиозных объединений, независимо от того, были ли они ранее зарегистрированы в органах власти или нет»*.

Мелким деревенским церквушкам было позволено прожить ещё почти десятилетие, а вот крупные приходские храмы начали изымать из повседневной жизни людей, не медля. Так, в 1929 г. разобрали храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы в с. Самаровском (ныне г. Ханты-Мансийск). А **3 октября 1930 г.** подошла очередь и обдорского Петропавловского собора – решением Малого Президиума исполнительного комитета Уральской области он был закрыт. Хотя ему всё же повезло больше, чем самаровскому храму: его хоть и обезглавили (снесли центральный барабан и колокольную), уничтожили отделку и разграбили, но оставили целыми стены.

Впрочем, разрушение Божьего дома было не одномоментным. В нач. 1930-х гг. люди ещё пытались отстоять своё право на свободу вероисповедания. Хотя энергичное давление на верующих не могло не сказаться – кто-то снимал крест и убирал из красного угла иконы по атеистическим мотивам, кто-то переставал ходить в церковь и молился с задёрнутыми занавесками дома от страха перед властями. Вот и очередное заявление с просьбой зарегистрировать «Религиозное общество Обдорской Петропавловской церкви» подписали только 20 чел....

Надо сказать, что большинство сохранившихся документов о закрытии храмов в кон. 1920–1930-х гг. изобилуют отсутствием логи-

ки, противоречивыми и многократными постановлениями по одному и тому же вопросу, неисполнением решений. Вокруг церквей вертелся хоровод правового нигилизма и абсурдно-безграмотного делопроизводства. Это замечание справедливо и в отношении обдорской церкви. В частности, после принятия Уральским облисполкомом решения о закрытии Петропавловского собора Обдорский райисполком просил у него разрешение на временное использование каменной церкви под жильё спецпереселенцев. Местных руководителей понять можно: в это время на север было заброшено огромное количество раскулаченных крестьян, а проблемы их расселения, здравоохранения и обеспечения продовольствием свалились на головы местных властей. В частности, в Обдорске скученность спецпереселенцев, вызванная нехваткой бараков, привела к эпидемии сыпного тифа, для ликвидации которой и потребовались дополнительные площади.

Против обеих инициатив – и закрытия храма, и его использования под жильё лишенцев – выступила группа местных верующих. Они обратились с ходатайством о передаче им в пользование постройки не только в областной исполком, но и в сам ВЦИК – высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти в стране. Удивительно, но «таможня дала «добро»: уральские власти предложили Обдорскому райисполкому после освобождения церковного здания от спецпереселенцев вернуть его верующим, а ВЦИК своим отношением от 28 апреля 1931 г. и вовсе обязал местных исполкомовцев незамедлительно вернуть церковь верующим.

Наверное, они радовались. Но неумолимая логика построения социализма по сталинской модели не могла включать в себя институты церкви, и все эти решения остались только на бумаге.

Началось разграбление церковного имущества. Тюменский облисполком своим решением от 8 сентября 1932 г. № 3231 обязал специально созданной для этого комиссии принять имущество ликвидированного Петропавловского храма. Судя по сохранившемуся архивному документу, часть этого имущества планировалось передать общине верующих (значит, такая община официально ещё существовала). Однако приглашённые 5 октября того же года представители общины Григорий Рочев, Прасковья Канева и Прасковья Валеева

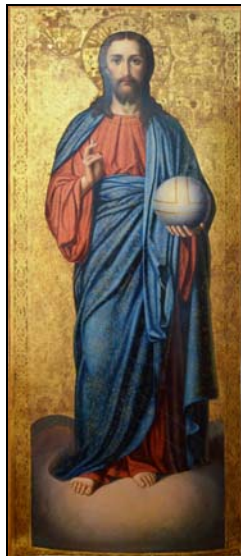

категорически отказались участвовать в дележе церковного имущества. Небольшую часть икон, церковной утвари и церковных книг в 1934 г. инспектор Госдоходов при Ямальском окружном финотделе Дегтярёв передал в Обдорский музей, и эти вещи сохранились до сих пор. Большинство же предметов бесследно исчезло.

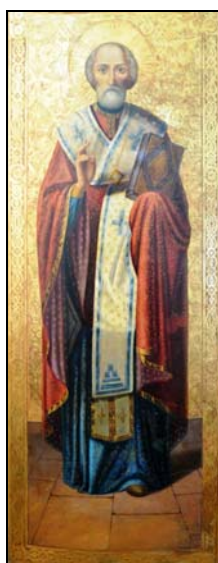
В то же время случилась совершенно немыслимая история, которая не может не наполнить оптимизмом любого человека – и верующего, и атеиста. Речь идёт о сокрытии храмовых икон от уничтожения и поругания в те дни и об их возвращении – в наши.

Надо было обладать крепчайшим, абсолютным убеждением в конечности эпохи разрушений и бездуховности, в обязательной её смене временами созидания и духовного возрождения, чтобы пойти на рискованный до смерти шаг – тайком снять с порушаемого иконостаса пять больших храмовых икон, принести их домой, прибить к межоконным проёмам бревенчатой стены и закрыть толстым слоем штукатурки. Причём наполнить все это действия глубоким сакральным смыслом: выбрать ту стену, которая ориентирована в сторону храма, и разместить святые лики не абы как, а именно к алтарю. А потом унести эту тайну с собой в могилу с твёрдой верой, что спасённые иконы вернутся и в возрождённый храм, и в духовный мир будущих обдорян. Именно так всё и случилось. Правда, спустя долгие 84 года.

По предположению обдорского историка Л.Ф. Липатовой, этот без преувеличения сказать духовный подвиг был совершён Анной Николаевной Терентьевой – преподавателем школы при Обдорской православной миссии. Она была женой торговца Макара Осиповича Терентьева, дом и усадьба которого, расположенные ныне по ул. Ламбиных под № 1, в 2003 г. постановлением губернатора ЯНАО были признаны памятником истории и культуры местного значения, а в 2010 г. включены в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта регионального значения под названием **«Комплекс городской усадьбы: жилой дом, ворота, амбар (1898 г.)»**. Именно при реставрации этой исторической постройки 22 октября 2014 г. совершенно неожиданно и были обнаружены спрятанные почти век назад храмовые иконы.

Иконы из храма во имя первоверховных апостолов Петра и Павла

до и после реставрации. 2014 и 2017 гг. Фото: В.Н. Гусева

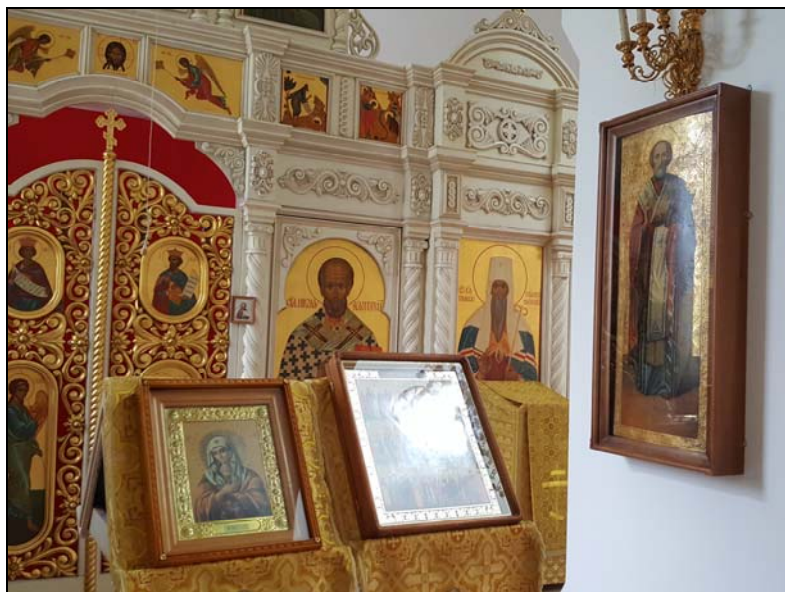
Их, как уже сказано, было пять – Спасителя, Божьей Матери (две), Николая Чудотворца и неопределённая из-за сильных утрат. Дублирование облика Богородицы связано с тем, что храм был трёхпрестольным, и иконы находились в разных престолах. Согласно искусствоведческому заключению, они были написаны во втор. пол. XIX – нач. XX в. и относятся к алтарному типу, то есть их принадлежность к иконостасу именно построенного в это время храма Петра и Павла не вызывает сомнений. Выполнены они в академической манере, характерной для провинциальных школ иконописи указанного времени. Художественная ценность находок бесспорна, но их историко-культурное значение ещё более возрастает по причине редкости храмовых икон в наши дни – в отличие от домашних икон, их было меньше изначально, и уничтожались они активнее.

Спасённые иконы, быть может, дошли бы до наших дней в своём первоизданном виде, поскольку время их пощадило. Но они сильно пострадали при разборе дома. Поскольку лики были развёрнуты к брёвнам стены, то под слоем снимаемой штукатурки обнажились изнаночные стороны, и рабочие, приняв их за обычные дощатые щиты, не остановили работы, а действовали привычными демонтажными приёмами – ломом и топором. Спасло святые образа только изначально хорошее качество древесины и холста в основе. Поэтому через полтора года реставрации в иконописной мастерской Тобольской духовной семинарии 27 июня 2017 г. часть икон вернулась в Салехард. Одну окончательно восстановить так и не удалось, только законсервировать фрагменты, а три заняли своё место в обновлённом соборе.

Однако мы опять забежали вперёд. Вернёмся в тридцатые годы, когда Дом бога на земле превратили в простую постройку, а святые образа только-только закрыли штукатуркой в доме Терентьева.

В 1934–1938 гг. в храме размещался Обдорский архив. В это же десятилетие после превращения Обдорска в центр Ямало-Ненецкого национального округа и наплыва нового населения здесь снова обрзовывалось временное жильё.

В 1940-х гг. постройка использовалась под овощехранилище и конюшню.

Отреставрированные иконы в отреставрированном храме во имя первоверховных апостолов Петра и Павла. 2018 г. Фото: В.Н. Гусева

На рубеже 1940–1950-х гг. бывшую церковь заняли местное отделение Ленинградской конторы Желдорпроект Главного управления лагерей железнодорожного строительства МВД СССР и штаб Управления строительством 501-го объекта (железнодорожной ветки Чум – Лабитнанги).

Позже здание эксплуатировалось в качестве складского. Попадает также информация о размещении здесь библиотеки.

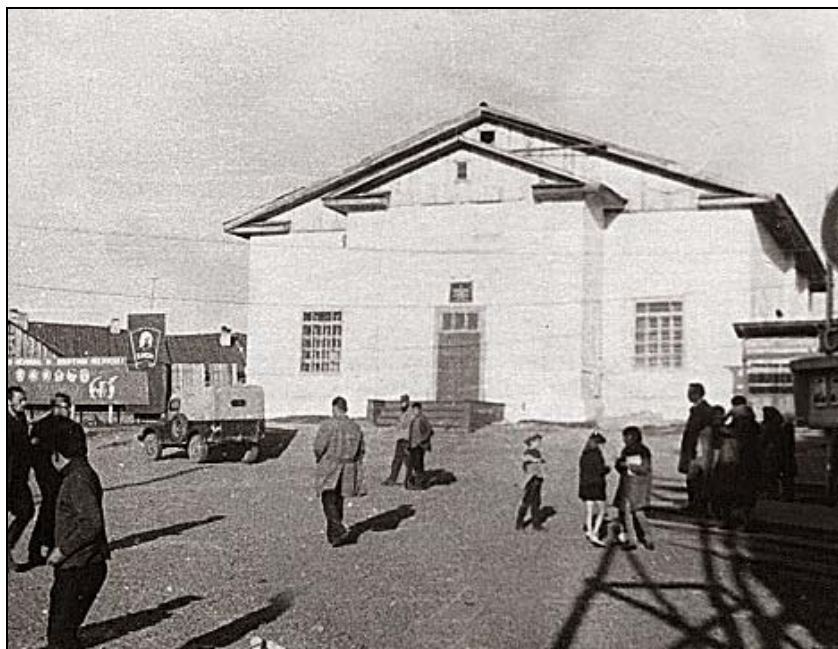
Последним не свойственным церковному строению статусом стала детская спортивная школа. Случилось это в 1955 г., когда исполкому окружного Совета депутатов трудящихся для исполнения Постановления Совета Министров РСФСР от 22 декабря 1954 г.

Спортивная школа (бывший храм во имя первоверховных апостолов Петра и Павла) в Обдорске. Кон. 1980-х – нач. 1990-х гг. Фото: И.И. Сычёв. Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского

№ 1778 «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры малых народностей районов Севера» надо было найти помещение для детской спортивной школы. Тогда и появилось решение: *«Обязать горисполком... здание бывшей каменной церкви, используемой в данное время под складское помещение, передать с баланса горкомхоза на баланс окроно для реконструкции и дальнейшего использования под детскую спортивную школу».*

Спортивная школа (бывший храм во имя первоверховных апостолов Петра и Павла) в Обдорске. Кон. 1980-х – нач. 1990-х гг. *Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского*

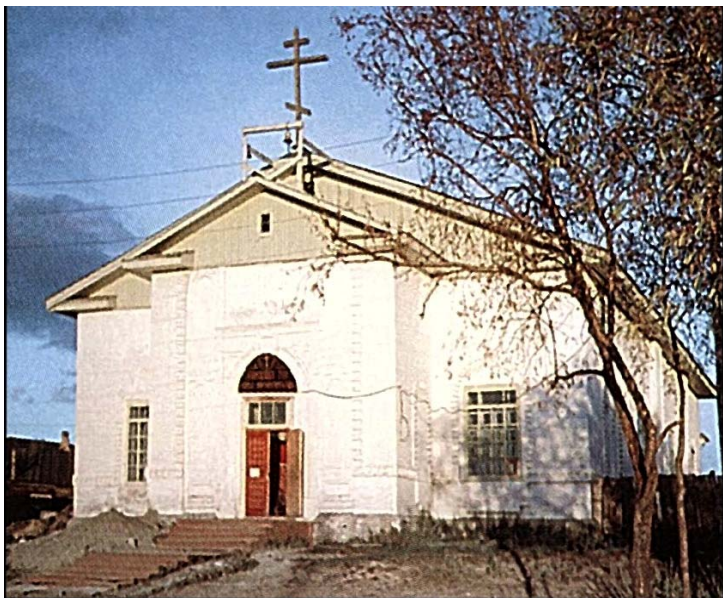
Каждый хозяин приспособливал здание под свои нужды, сообразуясь с финансовыми возможностями, строительными кадрами и вкусом руководителей. Поэтому снесли белокаменную ограду, разрушили купола, колокольню и венчающие элементы, безжалостно изменили внутреннюю планировку и интерьер.

Маятник новейшей отечественной истории дошёл до точки возврата в кон. 1980-х гг. и начал движение в обратную сторону. Глобальные социально-экономические изменения, крушение СССР, отказ от коммунистической (в том числе и атеистической) идеологии снесли препоны между церковью и государством, «Царство Духа» и «Царство Кесаря» слились воедино. С принятием Закона РСФСР от 25 октября 1990 года № 267-I «О свободе вероисповеданий», в преамбуле которого содержится признание «особой роли православия в истории России», начался процесс возрождения церковной жизни. Он ещё более укрепился и активизировался после вступления в силу Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». В современном обществе религия претендует на права концептуальной основы духовной жизни, оформление базовой системы ценностей.

Разумеется, Салехард развивался в русле общероссийских тенденций. В 1980-х гг. стараниями отца Зосимы (Горшунова) и матушки Акилины (Есняцкой) в нём возникла православная община. Поначалу общие моления проходили на частных квартирах, в различных общественных помещениях, даже в детском саду и инфекционной больнице. Но численность общины росла, и вопрос храмосозидания становился всё более и более актуальным. В 1990 г. для проведения праздничных служб в честь первоверховных апостолов Петра и Павла спортивная школа на три дня предоставила верующим бывшее церковное здание.

Конец этого же 1990 г. стал решающим для энергичного ренессанса Петропавловского собора. 5 октября 76 членов православного общества и 3524 чел. из числа сочувствующих и поддерживающих жителей ЯНАО обратились с открытым письмом к народным депутатам городского Совета III сессии XXI созыва, в котором призывали вернуть храм верующим. В то время такие призывы воспринимались властями как незамедлительное руководство к действию, поэтому уже на следующий день, **6 октября 1990 г.**, сессией городского Совета народных депутатов соответствующее решение было принято. И 10 ноября состоялось торжественное богослужение в честь долгожданной передачи верующим 97-летнего Петропавловского храма.

Уже не спортивная школа, но ещё и не отреставрированный храм.
Нач. 1990-х гг. Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс
им. И.С. Шемановского

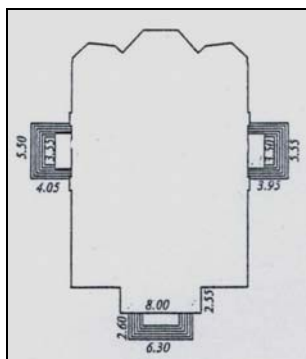
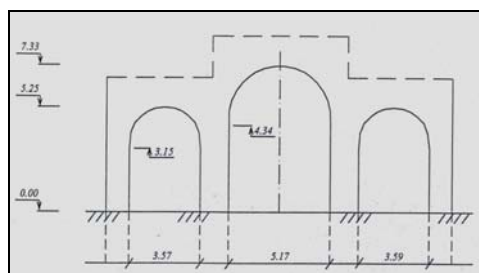
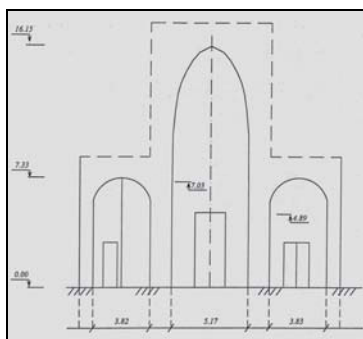
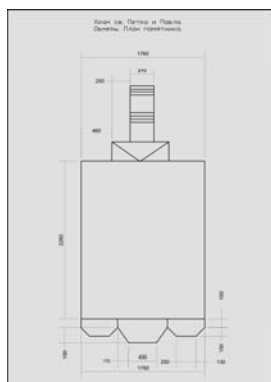

Освящение престола в Петропавловском соборе. 1991 г. По: *Обезглавленные храмы не умирают // Красный север*. – Салехард, 2017. – 4 января;
То же [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ks-yanao.ru/obshchestvo/obezglavlennye-khramy-ne-umirayut.html>

В следующем 1991 г. юридический процесс передачи завершился окончательно. Возрождённый храм 11 июля того же года был торжественно освящён епископом Тюменской и Тобольской епархий Димитрием.

В июле 2006 г. в Салехарде впервые после закрытия храма в 1930 г. состоялся крестный ход. Он был посвящён празднику святых апостолов Петра и Павла и протянулся от речного порта до аэропорта.

А 25 апреля 2011 г. в церковной жизни Салехарда случилось ещё одно эпохальное событие: в этот день, на который выпало Великое Светлое Христово Воскресенье, в храм Петра и Павла был доставлен благодатный огонь из Иерусалима.

Реставрационные чертежи храма во имя первоверховных
апостолов Петра и Павла

Однако возрождение храма протекало не только на нормативно-правовом поле и в налаживании церковной жизни в Салехарде. Следующим шагом должно было стать физическое возрождение церковной постройки – реставрация. В этом процессе большую роль сыграла конструктивная позиция окружных властей во главе с губернатором Ю.В. Неёловым, подкреплённая активным финансированием. Не остались в стороне городские власти и жители Салехарда.

Храм во имя первоверховных апостолов Петра и Павла после реставрации. 1990-е гг. Фото: Е.М. Гапонов. *Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского*

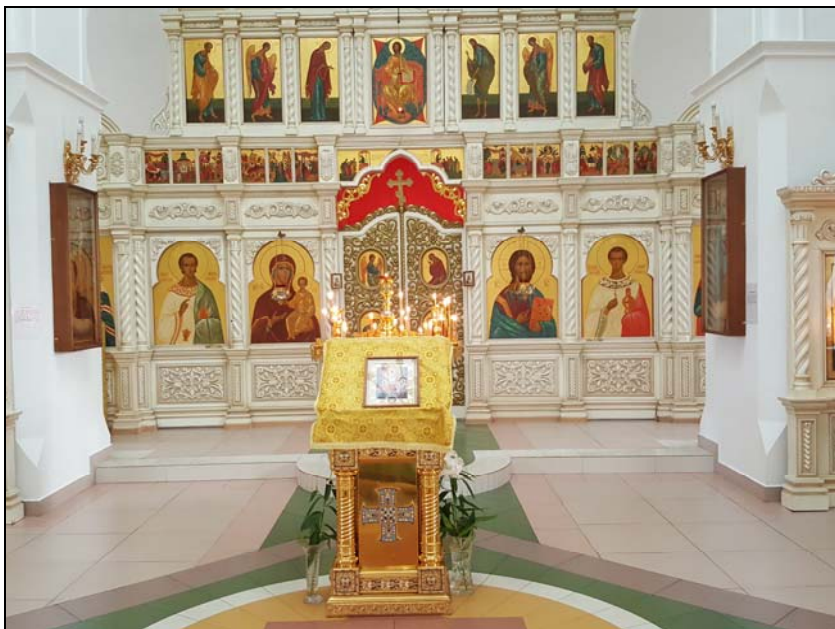

За реставрацию церкви взялась строительная организация Московской епархии «Арххрам». Помимо коммерческого интереса, у них был и профессиональный – поработать на единственной в районе Полярного круга каменной церковной постройке. По имеющимся фотографиям и натурным обследованиям они достаточно быстро подготовили проектно-сметную документацию. Не так долго по строительным меркам шли и работы по восстановлению верхней части храма.

А вот восстановление куполов потребовало и времени, и сил, и финансов гораздо больше. Эти работы выполняла турецкая фирма «Ямата», работники которой 6 октября 1997 г. перекрыли куполом главный зал. Это стало кульминационной точкой в завершении архитектурной композиции однокупольного православного храма с пристроенной звонницей, которая сегодня является исторической доминантой окружающего ландшафта и определяет лик современного Салехарда.

В 1998 г. верующие отпраздновали Рождество в красивом бело-голубом здании с позолоченными куполами, устремленными ввысь. На светлой седмице 26 апреля того же года епископ Тобольский и Тюменский Димитрий освятил возрождённый храм во имя Петра и Павла с приделами святого Николая Угодника и преподобного Сергия Радонежского.

Однако это отнюдь не было окончанием реставрационных работ. С 1999 г. церковные службы и строительные работы шли параллельно. В целом в ходе реставрационных работ были воссозданы завершающие надстройки, произведено усиление основных несущих конструкций, выполнены новые железобетонные своды, кровля покрыта металлочерепицей. Из-за полной утраты оконных и дверных заполнений в окна вставили вакуумные деревянные стеклопакеты, двери сделали деревянными филёнчатыми. В 1999 г. стены были выкрашены бело-голубой краской, в 2010 г. колер был изменён на бежевый и светло-коричневый. Вокруг церкви возвели ажурную металлическую ограду. Как подытожила архитектор Е.М. Козлова-Афанасьева, *«...несмотря на некоторые недочёты ремонтно-реставрационных работ, здание храма демонстрирует хорошую степень достоверности объёмно-пространственной конфигурации, близкой к первоначальной, композиционного решения фасадов, а также сохранности внутренней планировки».*

Храм во имя первоверховных апостолов Петра и Павла после реставрации.
Современный иконостас. 2018 г. Фото: В.Н. Гусева

Иконостас и внутреннее убранство были изготовлены минскими мастерами в братской Беларуси.

Параллельно с нормативно-правовым оформлением и реставрацией шёл и третий процесс – статуирование храма в качестве объекта культурного наследия.

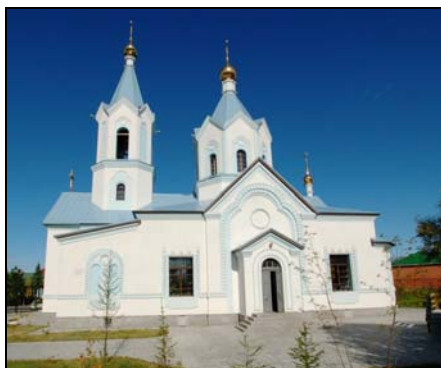
Первый шаг был сделан **24 июня 2003 г.**, когда губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа подписал Постановление № 239 «Об отнесении объектов, представляющих историческую и культурную ценность, к памятникам истории и культуры местного значения». В приложенном к постановлению списке значился и памятник градостроительства и архитектуры с названием «Собор святых Петра и Павла (1894 г.)», расположенный по адресу: г. Салехард, ул. Ного, д. 8.

1

2

3

Храм во имя первоверховных апостолов Петра и Павла. 2006 г. Вид с востока (1), запада (2) и юга (3). *Архив Службы государственной охраны культурного наследия ЯНАО*

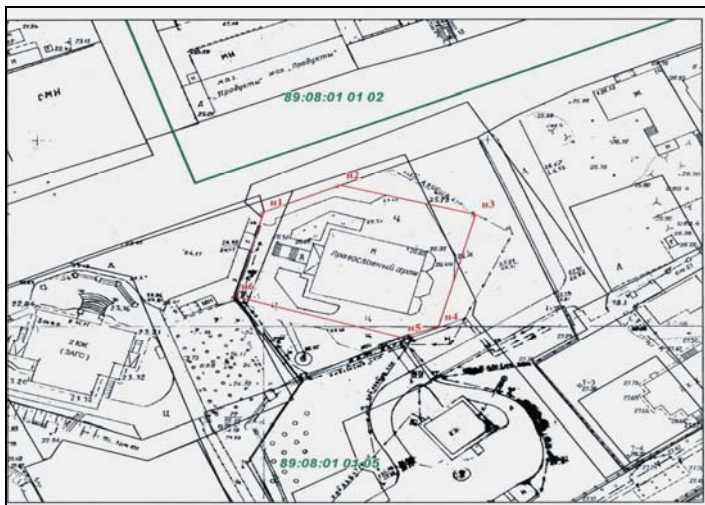
В последующие годы были проведены дополнительные научные исследования, которые позволили поднять категорию историко-культурного значения указанного памятника с местного до регионального. Это нашло отражение в Акте государственной историко-

культурной экспертизы о включении в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, который 25 августа 2012 г. подписала эксперт Е.М. Козлова-Афанасьева.

На основании этого документа было подготовлено распоряжение Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от **18 декабря 2012 г. № 792-РП** «О включении объекта культурного наследия регионального значения в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации».

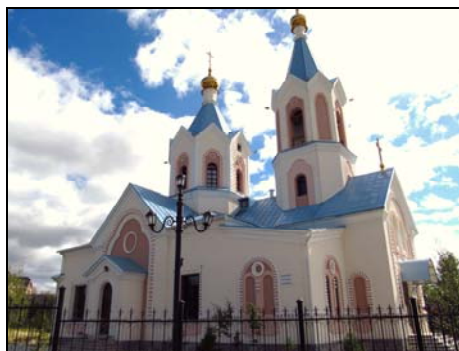
Далее по регламенту работы с объектом культурного наследия должны утверждаться предмет охраны и границы территории. Это было оформлено приказами Департамента культуры ЯНАО: первая процедура – от 22 января 2013 г. № 10 «Об утверждении предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения», вторая – от 27 августа 2013 г. № 224 «Об утверждении границы территории объекта культурного наследия регионального значения памятник «Собор Святых Петра и Павла (1894 г.)».

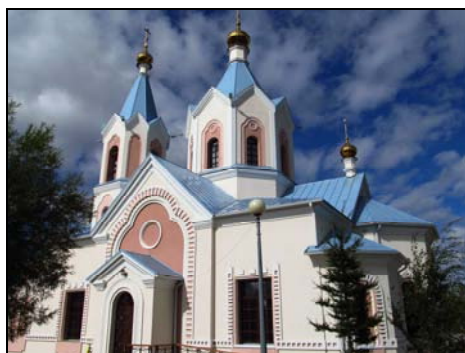
План границ территории объекта культурного наследия регионального значения памятник «Собор Святых Петра и Павла (1894 г.)»

1

2

3

Храм во имя первоверховных апостолов Петра и Павла. 2012 г. Вид с запада (1), северо-запада (2) и юга (3). *Архив Службы государственной охраны культурного наследия ЯНАО*

Каждый объект культурного наследия имеет свою «изюминку» – нечто такое в своей истории, конструкции, декоре, чего нет больше нигде. Собственно говоря, в противном случае эта постройка и не приобрела бы статус культурного наследия со всеми вытекающими из этого статуса правами на государственную защиту и общественное признание. Собор святых Петра и Павла не является архитектурным уникалом, выше уже говорилось, что строился он, скорее всего, по типовому проекту. Не тиражированная «хрущёвка», конечно, но и не Собор Василия Блаженного. Его ценность в другом – это первый каменный храм на Ямале, ставший своеобразным полигоном для новых и оригинальных конструктивных и инженерных решений при строительстве зданий в условиях вечной мерзлоты.

Сегодня статусы «действующий православный храм» и «объект культурного наследия» бесконфликтно сосуществуют в границах одной постройки. С 2011 г., когда Священный синод Русской православной церкви образовал Салехардскую епархию, он стал кафедральным храмом. При нём с 2004 г. работает детская воскресная школа. Функционирует молодёжное общество «Сибирь молодая Православная» (филиал Межрегионального молодёжного общественного движения «Сибирь молодая Православная») и Сестричество во имя Святителя Луки Войно-Ясенецкого, члены которых оказывают помощь пациентам больниц, престарелым людям, сиротам.

Эпилогом же к этому очерку о главном ямальском храме пусть станут слова Святейшего Патриарха Кирилла, сказанные им 14 сентября 2015 г. под сводами этого самого храма: *«Пусть Господь хранит Салехард и этот исторический Петропавловский храм».*

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ХРАМАХ САЛЕХАРДА

Опубликованные

Баландин А. Как советские депутаты возвращали храм православным // Красный север. – Салехард, 2016. – 6 октября; То же [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ks-yanao.ru/obshchestvo/kak-sovetskie-deputaty-vozvrashchali-khram-pravoslavnyum.html>

Балюнов И.В. Сибирский архитектор Богдан Богданович Цинке // Баландинские чтения. – Новосибирск: Новос. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2016. – Т. 11. – С. 211–214.

Белобородов В.К. Тропинки к дому. Русские Берёзовского края в конце XVIII – начале XX вв.: краеведческие заметки о былом и насущном. – Тюмень: ИД «Титул», 2013. – С. 60, 63.

Ветрова Д. От деревянной к каменной // Полярный круг. – Салехард, 2014. – 2 января; То же [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polkrug.ru/news/kultura/po-stranicam-istorii/730-ot-derevyannoy-k-kamennoy>

Еремеева Л.В. Готлиб Цинке // Ямал православный. – Салехард, 2012. – № 1 (С. 7), 2 (С. 9).

Еремеева Л.В. Деятельность православной церкви на Тобольском Севере // Обские угры: Мат-лы II-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири (12–16 декабря 1999 г., Тобольск)». – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 1999. – С. 137.

Еремеева Л.В. Красивая церковь от Готлиба // Полярный круг. – Салехард, 2018. – 24 июля.

Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общей ред. П.П. Семёнова. – СПб.; М.: Товарищество М.О. Вольф, 1884. – Т. 11: Западная Сибирь. – С. 123.

История Ямала: в 2 т. – Екатеринбург: Баско, 2010. – Т. I: Ямал традиционный. Кн. 2: Российская колонизация. – С. 227–238, 249–259.

И.Ш. [Шемановский И.С.]. Пресвященный Антоний в Обдорске // Сибирский листок. – Тобольск, 2004. – 10 октября. – № 80. – С. 2–3.

Казанцев П.П. Ямал православный. – Салехард: Северное изд-во; Екатеринбург: Кипяток, 2013. – С. 68–82.

Кардаш О.В. Полуийский мысовой городок князей Тайшиных. – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. – 380 с.: ил. – (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура). С. 14, 18, 51–53, 55.

Комплекс городской усадьбы. Долгий путь от разрушения к спасению // Культура Ямала. Информационно-аналитическое издание департамента культуры Ямало-Ненецкого автономного округа – Салехард, 2015. – № 4. – С. 55–58; То же [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nasledie89.yanao.ru/wp-content/uploads/2017/06/Kultura_Yamala_2015_4_Gorodskaya-usadba.pdf

Липатов В.М. Ночной директор. – Екатеринбург: Баско, 2011. – Т. 1. – С. 236–245.

Манькова И.Л. История православия на Севере Западной Сибири в современной историографии // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 2005. – Вып. 10. – С. 69–70.

Обезглавленные храмы не умирают // Красный север. – Салехард, 2017. – 4 января; То же [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ks-yanao.ru/obshchestvo/obezglavlennye-khramy-ne-umirayut.html>

Ополовников А.В., Ополовникова Е.А. Древний Обдорск и заполярные города-легенды. – М.: Ополо, 1998. – С. 45, 109, 111–115, 118, 124, 126.

Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – С. 40–41.

Сазонова А. «Великолепное строение особенного вида». К 100-летию храма Петра и Павла в Салехарде // Ямальский меридиан. – Салехард, 1994. – № 5. – С. 29–31.

Собор Святых Петра и Павла // Культура Ямала. Информационно-аналитическое издание департамента культуры Ямало-Ненецкого автономного округа – Салехард, 2013. – № 1. – С. 64–66; То же [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nasledie89.yanao.ru/wp-content/uploads/2017/06/Kultura_Yamala_2013_1_Sobor-Petra-i-Pavla.pdf

Темплинг В.Я. А была ли церковь? (О строительстве первой церкви в Обдорске) // Сибирский исторический журнал. – 2006/07. – С. 124–130.

Темплинг В.Я. Предисловие // Церкви Обдорска: летопись в документах. Вып. I: Васильевская церковь (1746–1824). – Тюмень: Мандр и К^а, 2005. – С. 14–24.

Туров С.В. Вместо предисловия // Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–90-е гг. XIX века). – Тюмень: Изд-во Юрия Мандрики, 2007. – 2-е изд., доп.

Уникальная находка на Ямале: Старинные иконы в доме на улице Ламбиных // Культура Ямала. Информационно-аналитическое издание департамента культуры Ямало-Ненецкого автономного округа – Салехард, 2014. – № 4. – С. 13–14; То же [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nasledie89.yanao.ru/wp-content/uploads/2017/06/Kultura_Yamala_2014_4_Ikony-pri-restavratsii-Usadby.pdf

Храмы Ямала: фотоальбом. – Салехард; Тюмень: Сити-пресс, 2006. – С. 11–24.

Церкви Обдорска: летопись в документах. – Тюмень: Мандр и К^а, 2005. – Вып. I: Васильевская церковь (1746–1824). – 360 с. – (Сибирский раритет. Вып. 6).

Церкви Обдорска: летопись в документах. – Тюмень: Сити-пресс, 2007. – Вып. II: Петропавловская церковь (1824–1894). Ч. 1. – 304 с. – (Сибирский раритет. Вып. 8).

Церкви Обдорска: летопись в документах: источники. – Тюмень: Мандр и К^а, 2009. – Вып. II: Петропавловская церковь (1824–1894). Ч. 2. – 386 с. – (Сибирский раритет. Вып. 9).

Шамрай Н.Н. Путешествие из Обдорска в Салехард. – Тюмень: Инфо-Плюс, 2014. – С. 64–66.

Шашков А.Т. Строительство в крае первых православных храмов // Книжные сокровища Югры. Рукописные и старопечатные книги из собраний Ханты-Мансийска. – Екатеринбург: Волот, 2003. – С. 27, 413–414.

Шемановский И.С. История Обдорской духовной миссии // Шемановский И.С. Избранные труды: в 2 т. – М.: Советский спорт, 2011. – Т. 2. – С. 12–14, 22, 44, 120–121.

Шемановский И.С. Поездка его Преосвященства, Преосвященнейшего Евсевия, епископа Тобольского и Сибирского, для обозрения церквей Тобольского и Берёзовского уездов // Шемановский И.С. Избранные труды: в 2 т. – М.: Советский спорт, 2011. – Т. 2. – С. 298.

Шемановский И.С. Храм Обдорской миссии // Шемановский И.С. Избранные труды: в 2 т. – М.: Советский спорт, 2011. – Т. 2. – С. 137–138.

Шемановский И.С. Хронологический обзор достопамятных событий в Берёзовском крае Тобольской губернии (1032–1910 гг.) // Шемановский И.С. Избранные труды: в 2 т. – М.: Советский спорт, 2011. – Т. 1. – С. 128, 161, 164, 180, 204, 233, 242, 248–249, 255, 261, 275–276, 285, 287–288.

Архивные

Козлова-Афанасьева Е.М. Акт государственной историко-культурной экспертизы о включении в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации выявленного объекта культурного наследия «Собор Св. Петра и Павла (1894 г.)», расположенного по адресу: Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, ул. Ного, д. 8. – Архив Службы государственной охраны культурного наследия ЯНАО.

Отчёт о НИР: Петропавловский храм в Обдорске (1894–1930 гг.). Науч. рук. С.В. Кондратьев. – Тюмень, 2012. – Архив Службы государственной охраны культурного наследия ЯНАО.

Чернецов В.Н. Отчёт о работах, произведённых Мангазейской экспедицией в 1946 г. – Архив Ин-та археологии РАН. Р-1. № 95. Л. 5.

Интернет-ресурсы

В Тобольске восстанавливают старинные иконы // Телеканал «Культура». 27.01.2016 | 10:40 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// tvkultura.ru/article/show/article_id/147618/](https://tvkultura.ru/article/show/article_id/147618/)

Возвращение святыни. В Салехард после реставрации едут найденные купеческие иконы // Вести. Ямал. 27.06.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vesti-yamal.ru/ru/vjesti_jamal/vozvraschenie_svyatyini_v_salehard_posle_restavratsii_edut_naydenные_kupecheskie_ikonyi163008#t20c

Липатов В. Каменный храм Обдорска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://togeо.ru/main/salehard/kamennyi-hram.html>

Липатова Л.Ф., Казанцев П.П. История храма апостолов Петра и Павла г. Салехард [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yamalrpc.ru/pages/id/388>

Мазурин А. Первое путешествие в Обдорский край омского краеведа Иннокентия Шухова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mvk-yamal.ru/zemlya-yamal/issledovateli-yamala/i-n-shuhov/>

Приходько О.Б. Вековая история Обдорского православного храма // Салехардская епархия. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yamalrpc.ru/pages/id/40>

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

в.	—	век
вв.	—	века
втор. пол.	—	вторая половина
ВЦИК	—	Всесоюзный центральный исполнительный комитет
г.	—	город; год (<i>в зависимости от контекста</i>)
гг.	—	годы
горисполком	—	городской исполнительный комитет
горкомхоз	—	городское коммунальное хозяйство
ГУТО ГА в г. Тобольске	—	Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
Д.	—	Дело
д.	—	дом
им.	—	имени
ин-т	—	институт
исполком	—	исполнительный комитет
кн.	—	книга
коп.	—	копейка
Л.	—	лист
М.	—	Москва
мат-лы	—	материалы
нач.	—	начало
науч. рук.	—	научный руководитель
НИР	—	научно-исследовательская работа
нрзб.	—	неразборчиво
н. э.	—	наша/новая эра
облисполком	—	областной исполнительный комитет
ок.	—	около
окроно	—	окружной отдел народного образования
Оп.	—	опись
п.	—	посёлок
перв. пол.	—	первая половина
райисполком	—	районный исполнительный комитет
РАН	—	Российская академия наук
рис.	—	рисунок
РСФСР	—	Российская Социалистическая Федеративная

руб.	–	Советская республика
сер.	–	рубль
СНК	–	середина
СПб.	–	Совет народных комиссаров
ф.	–	Санкт-Петербург
финотдел	–	фонд
ХМАО	–	финансовый отдел
ЯНАО	–	Ханты-Мансийский автономный округ
	–	Ямало-Ненецкий автономный округ

СОДЕРЖАНИЕ

МИФИЧЕСКАЯ ВАСИЛЬЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ – ЯВЬ СОВРЕМЕННОГО САЛЕХАРДА	5
ПЕРВЫЙ ОБДОРСКИЙ ХРАМ ВО ИМЯ ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО ...	13
ВТОРОЙ ОБДОРСКИЙ ХРАМ ВО ИМЯ ПЕРВОВЕРХОВНЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА	27
ТРЕТИЙ ОБДОРСКИЙ ХРАМ ВО ИМЯ ПЕРВОВЕРХОВНЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА	51
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ХРАМАХ САЛЕХАРДА	103
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	107

Научно-популярное издание

ЯКОВЛЕВ Яков Александрович

СОБОР СВЯТЫХ ПЕТРА И ПАВЛА
НА ПОЛЯРНОМ КРУГЕ

Редактор *В.С. Сумарокова*
Компьютерная верстка *Г.П. Орловой*

Подписано в печать 24.10.2018 г. Формат 60х84 ¹/₁₆.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Печ. л. 7,0; усл. печ. л. 6,5; уч.-изд. л. 7.

Тираж 100 экз. Заказ 433.

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ИП «Завгородний Евгений Анатольевич»,
634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1